

БАБУШКИ

ДОРИС
ЛЕССИНГ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!
ОТ ЛАУРЕАТА НОБЕЛЕВСКОЙ
ПРЕМИИ ПО ЛИТЕРАТУРЕ.
MIAMI HERALD

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР-ЧИТАЕТ ВСЬ МИР

18+

Дорис Мей Лессинг Бабушки (сборник)

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6603062
Дорис Лессинг. Бабушки: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-69370-2*

Аннотация

Дорис Лессинг получила Нобелевскую премию по литературе с формулировкой: «Повествующей об опыте женщин, со скептицизмом, страстью и провидческой силой подвергшей рассмотрению разделенную цивилизацию». Именно об опыте женщин и о цивилизации, выставляющей барьеры природному началу, пойдет речь в книге «Бабушки». Это четыре истории, каждая из которых не похожа на предыдущую.

Новелла, давшая название всей книге, – самая, пожалуй, яркая, искренняя, необычная.

Что делать женщине, которая любит сына подруги? Природа подсказывает, что надо отдаться чувству, что никогда она не будет так счастлива, как в объятиях этого молодого человека. Но благоразумие заставляет ее отказаться от любви.

Кто-то увидит в этой истории архетипическое начало, миф об Эдипе, другие – борьбу природы и социума, третьи – трагедию немолодых женщин, пытающихся ухватить свою долю счастья. Но как бы то ни было, «Бабушки», как и другие три произведения, составляющие сборник, не оставят равнодушным никого.

Новелла была экранизирована – в 2013 году вышел фильм режиссера Анн Фонтен «Две матери», который в российском прокате назывался «Тайное влечение».

Содержание

Глава 1. Бабушки	4
Глава 2. Виктория и стэйвни	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дорис Лессинг

Бабушки

Глава 1. Бабушки

По обе стороны небольшого мыса, усеянного множеством кафе и ресторанчиков, чинно резвилось море, совершенно непохожее на настоящий океан, ревевший и грохочущий за пределами раскрытого зева бухты, за этими каменными ограждениями, которые все называли Зубами Бэкстера, – так даже на картах писали. Кто такой – этот Бэкстер? Хороший вопрос, распространенный, а ответ на него можно было найти на помещенном в рамку листке искусно состаренной бумаги, висевшем на стене ресторана, стоявшего на дальнем краю мыса, в самом лучшем, дорогом и престижном месте. Ресторан назывался «У Бэкстера», и считалось, что внутренняя комната из тонкого кирпича с тростниковой крышей – это бывшая хижина Билла Бэкстера, построенная им собственными руками. Он, неутомимый путешественник и моряк, отыскал эту райскую бухту с крошечным каменным язычком. В ранних версиях этой легенды упоминались мирные и приветливые местные жители. А откуда взялись «зубы»? Неисправимый Бэкстер продолжил исследовать близлежащее побережье и острова. И однажды, доверившись лодочке-листочку, сделанной с помощью собственной сноровки из старого топляка, лунной ночью он разбился об эти семь черных камней, совсем недалеко от своего домишки, в котором всегда горела керосиновая лампа, надежно, как маяк, созывавшая в бухту маленькие кораблики, способные протиснуться в нее через риф.

Сейчас территория вокруг «Бэкстера» была усажена огромными деревьями, в тени которых прятались столики и стулья, а с трех сторон лежало дружелюбное море.

Вверх, петляя между кустами, шла дорожка, которая вела к Садам Бэкстера, и как-то в послеобеденное время по ней не спеша поднималась группа из шести человек, четверо взрослых и две маленькие девочки, чей радостный визг эхом отзывался на крики чаек.

Впереди шли двое симпатичных мужчин, уже не юных, но лишь человеконенавистник мог бы сказать, что это люди среднего возраста. Один из них хромотал. За ними шагали две такие же симпатичные женщины лет шестидесяти – но, естественно, никому бы и в голову не пришло назвать их престарелыми. Они остановились возле стола, который, очевидно, видели уже не впервые, сложили на нем пакеты, свертки и игрушки; кожа у прибывших была холеная, блестящая – эти люди умели пользоваться солнцем. Они сели, женщины вытянули длинные гладкие коричневые ноги, непринужденно обутые в сандалии, дали временный отдых умелым рукам. Женщины расположились по одну сторону стола, мужчины по другую, а девчонки прыгали: шесть светловолосых голов. Они, конечно же, родственники? Это наверняка матери этих мужчин; а те – точно их сыновья. А девчонкам, уже кричащим: «Хотим на пляж!», для чего надо было спуститься по каменистой тропинке, бабушки, а потом и отцы, велели вести себя хорошо и играть спокойно. Дети сели на корточки и принялись составлять в пыли узоры из собственных пальцев и маленьких палочек. Хорошенькие девочки: значит, эти симпатичные взрослые – их родственники.

Из окна «Бэкстера» показалась девушка, она крикнула: «Как обычно? Принести вам, что и всегда?» Одна из женщин помахала ей рукой в знак согласия. Вскоре появился поднос со свежими фруктовыми соками и бутерброды на цельнозерновом хлебе – подтверждая, что эти люди заботятся о своем здоровье.

Тереза, которая только что сдала выпускной экзамен в школе, решила на год уехать из Англии, после чего вернуться и начать учебу в университете. Это она рассказала уже

несколько месяцев назад, а взамен ее просветили на тему – как учатся эти девчонки. Вот и сейчас она спросила у них: как дела в школе, и сначала одна ответила, а потом и вторая подтвердила, что там все классно. Хорошенькая официантка побежала обратно в ресторан, на свое рабочее место, улыбнувшись двум мужчинам, отчего женщины тоже обменялись улыбками друг с другом и со своими сыновьями, один из которых, Том, заметил:

– Она же никогда не вернется в Британию, ведь тут все парни – руками и ногами за то, чтобы она осталась.

– Тем глупее будет с ее стороны выйти замуж, – ответила одна из женщин, Роз – на самом деле Розанна, мать Тома. Но ей возразила другая, Лил (или Лилиан), мать Иена:

– Ой, ну не знаю, – сказала она, с улыбкой глядя на Тома. Такое признание их существования, которого, в сущности, и добивались мужчины, заставило их кивнуть друг другу, шутливо поджав губы, как будто этот или похожий диалог у них разыгрывался уже не впервые.

– Все равно, – сказала Роз, – девятнадцать лет – это слишком рано.

– Но кто знает, как все повернется? – спросила Лил и тут же покраснела. Почувствовав это, она скорчила рожицу, озорную или даже дерзкую, что совершенно не вязалось с ее характером. Остальные обменялись взглядами, которые так просто уже не объяснить.

Все вздохнули и, услышав друг друга, рассмеялись, это был настоящий искренний смех, который, как казалось, и выражал недосказанное. Одна из девочек, Ширли, спросила: «Над чем вы смеетесь?», а вторая, Элис, добавила: «Что тут смешного? Я не вижу в этом ничего смешного», и ненамеренно скопировала бабушкино выражение стыдливого озорства. Лил снова стало неловко, и она снова покраснела.

Ширли, которой хотелось внимания, не унималась: «Папа, в чем же фишка?» – и тут оба отца принялись ловить и шлепать девчонок, а те выражали недовольство, вырывались, но возвращались, а потом бросились к бабулям на колени в поисках защиты. Разнежась в их объятиях и сунув в рот большой палец, дети закрыли глаза и принялись зевать...

День был жаркий.

За соседними столиками, так же стоявшими в тени деревьев, блаженствовали и другие такие же счастливые люди. Море, со всех сторон окружавшее невысокий мыс, вздыхало, шипело и тихонько билось о камни, голоса звучали тихо и лениво.

В окне «Бэкстера» показалась Тереза с подносом, на котором стояли прохладительные напитки, она ненадолго остановилась и посмотрела на семью. По ее щекам потекли слезы. Она влюбилась в Тома, потом в Иена, потом снова в Тома – за их внешность, за их спокойствие, за что-то еще; влюбилась в их довольство, словно они купались в радости всю свою жизнь, а теперь излучали ее волнами удовлетворенности.

А как они обращались с дочками, с какой легкостью и ловкостью! И бабушки всегда рядом, и их уже не четверо, а шестеро... но были же и матери, ведь у всех детей они есть, и у этих девочек были Ханна и Мэри, обе поразительно непохожие на эту светловолосую семью, членами которой они стали – миниатюрные, смуглые и довольно миловидные, – но Тереза знала, что ни одна из них не была достаточно хороша для этих мужчин. Они работали. У них был бизнес. Вот почему тут так часто бывали бабушки. Значит, они сами уже не работали? Работали, но могли в любой момент сказать: «Пойдем-ка в «Бэкстер» – и приходили. Иногда к ним присоединялись и матери девочек, и тогда их было восемь.

Тереза была влюблена в них всех. Она это наконец поняла. В мужчин – это естественно, ее сердце терзалось из-за них, но не слишком уж сильно. Слезы у нее выступали, когда она видела их всех вместе, наблюдала за ними, вот как сейчас. А за ее спиной, за столиком возле бара, сидел Дерек, молодой фермер, изъявивший желание взять ее в жены. Тереза против него ничего не имела, он ей весьма нравился, но именно эти люди, эта Семья, была ее подлинной страстью.

Казалось, что солнце, которое висело над деревьями, дававшими глубокую тень, местами пронзенную его лучами, включало в себя и сами деревья, и раскаленное голубое небо, смешавшееся с благостью и счастьем, выделявшее огромными каплями некую золотую росу, которую могла видеть лишь Тереза. Именно в этот момент она решила выйти за своего фермера и остаться здесь, на этом континенте. Она не могла покинуть его ради переменчивых прелестей Англии, Брэдфорда, хотя местные болота тоже были ничего, когда солнце все же удосуживалось показаться. Нет, она останется здесь, она просто обязана. «Хочу, хочу», – твердила она про себя, дав наконец волю слезам. Ей была просто необходима эта нега тела, это спокойствие ленивых движений, длинных загорелых рук и ног, золотого блеска светлых волос на солнце...

И как только Тереза решила собственное будущее, она заметила, что по дорожке поднимается одна из матерей. Мэри – да, это была она. Невысокая, смуглая, нервная женщина, в ее осанке и стиле ничто не выдавало ее принадлежности к Семье.

Шла она медленно. Останавливалась, всматривалась, шла дальше, опять останавливалась, и движения ее были нарочито неторопливыми.

– Интересно, что на *нее* нашло? – гадала Тереза и наконец отошла от окна, чтобы отнести поднос посетителям, которые, конечно же, уже заждались. Мэри Стразерс едва двигалась. Она остановилась и принялась недовольно смотреть на Семью. Роз Стразерс заметила ее и помахала рукой, потом еще раз, потом рука медленно пошла вниз, словно женщина поняла причину ее нерешительности, а с лица начал сходить лоск и блеск. Она смотрела, хотя и не прямо, на свою невестку, и, заметив перемену в ее лице, сын Том повернулся в ту же сторону и помахал. Иен тоже. У них обоих словно опустились руки, как и у Роз; и в этом виделась какая-то обреченность.

Мэри остановилась. Рядом оказался столик, и она тяжело опустилась на стул. Она посмотрела на Лил, потом на Тома, своего мужа. Ее обвиняющие сощуренные глаза перемещались с одного лица на другое. Взгляд что-то искал. В руке у нее был пакет. Письма. Она села метрах в трех и не сводила с них взгляда.

Тереза обслужила остальные столики и снова вернулась к окну, мысленно обвиняя в чем-то Мэри, жену, понимая, что это ревность. Вот как она себя оправдывала: будь она достаточно хороша для них, я была бы только рада. Но ведь она по сравнению с ними – ничто.

Лишь от ревности можно было так плохо думать о Мэри, яркой и привлекательной смуглой молодой женщине. Но сейчас она не была красива; маленькое лицо, бледное, как побелка, тонкие губы. Тереза увидела пачку писем. Посмотрела на четверку за столом. Они замерли, как будто играли в «море волнуется раз». Их свет словно иссякал на глазах. Конечно, в такой прекрасный день это сложно было заметить, но они теперь совершенно не двигались, словно окаменели. А Мэри все смотрела – то на Лил, или Лириан, то на Роз, или Розанну; переводила взгляд на Тома, потом на Иена, и снова, и снова по кругу.

Повинуясь какому-то импульсу, который Тереза и сама не распознала, она достала из холодильника кувшин с водой и налила стакан, а потом побежала к Мэри. Та медленно повернула голову, недовольно посмотрела Терезе в лицо и стакан не взяла. Тереза села. Мэри привлёк блеск воды, она протянула руку, но потом отдернула: она у нее тряслась слишком сильно, стакан было не удержать.

Тереза вернулась к своему окну. Для нее день помрачнел. Она тоже задрожала. В чем же дело? Что случилось? Произошло нечто ужасное, фатальное!..

Мэри наконец поднялась, с трудом преодолела расстояние до стола, где сидела Семья, и опустилась на стул, стоявший на некотором расстоянии от них: она не была частью их целого.

Они смотрели на пачку писем в ее руках.

Никто не двигался, все смотрели на Мэри. И ждали.

Начать говорить предстояло ей. Но нужно ли? У нее дрожали губы, она сама вся тряслась, казалось, что она вот-вот упадет в обморок, а ее укоряющие глаза все еще пронзали то одного, то другого. Том. Лил. Роз. Иен. Рот у нее скривился, словно она откусила какую-то кислятину.

– Что с ними, что? – гадала Тереза, пристально вглядываясь из окна, и хотя еще меньше часа назад она решила, что никак не может уехать с этого побережья, оставить эту благодать и изобилие, теперь она начала думать, что отсюда надо бежать. «Я откажу Дереку. Лучше убраться отсюда».

Элис, девочка, сидевшая на коленях у Роз, со вскриком проснулась и увидела маму: «Мама, мамочка», – и протянула к ней руки. Мэри смогла заставить себя подняться, обошла вокруг стола, держась за спинки стульев, и взяла Элис.

И тогда на коленях у Лил проснулся и второй ребенок. «А где моя мама?»

Мэри протянула руку к Ширли, и уже через миг обе девочки сидели у нее на коленях.

Они уловили настроение Мэри, ее страх, злость, некую обреченность и захотели вернуться к бабушкам. «Бабуля, бабулечка». «Хочу к бабушке».

Мэри крепко сжала их обеих.

На лице Роз появилась легкая горькая улыбка, словно она сообщила кому-то глубоко внутри себя о том, что пришли плохие новости.

– Бабушка, ты завтра поведешь меня на пляж?

И Элис:

– Бабушка, ты обещала, что мы пойдем на пляж!

Наконец дрожащим голосом заговорила и Мэри. Но сказала лишь:

– Нет, вы не пойдете с ними на пляж, – а потом напрямую и взрослым женщинам:

– Вы не будете водить Ширли и Элис на пляж.

Это было и осуждение, и приговор.

Лил неуверенно, даже робко, произнесла:

– Скоро увидимся, Элис.

– Не увидите, – сказала Мэри. Она встала, держа обеими руками детей, а пачку писем засунула в карман своих слаксов.

– Нет, – яростно повторила она – наконец начали прорываться чувства, отравлявшие ей душу. – Нет. Не увидите. Никогда. Вы никогда их больше не увидите.

Она развернулась и потащила за собой детей.

Ее окликнул муж, Том:

– Мэри, погоди минутку.

– Нет, – и она изо всех сил поспешила вниз по тропинке, спотыкаясь, волоча за собой девочек.

Ну и теперь, естественно, четверо оставшихся, старшие женщины и их сыновья, должны же были что-то сказать, внести ясность, все объяснить? Ни слова. Они сидели сжавшись, поникнув, помрачнев, потом наконец один из них заговорил. Это был Иен, он обратился к Роз с интимной страстью, широко распахнув глаза, а по губам было видно, как он напряжен и зол:

– Это ты виновата! Да, ты. Я тебя предупреждал. Во всем виновата ты.

Роз ответила злобой на его злобу. Она рассмеялась. Это был жесткий, злой и едкий смех, раскат за раскатом.

– Я виновата, – ответила она. – Конечно. Кто же еще?

И снова захохотала. Это хорошо бы смотрелось на сцене – такой смех, – но по ее щекам потекли слезы.

Мэри, уже скрывшаяся из виду, к этому времени дошла до конца дорожки, где встретила с Ханной, женой Иена, которая не могла даже видеть виновных, по крайней мере,

при Мэри, потому что ее ярость была не так велика. Она позволила Мэри идти одной, а сама осталась ждать, преисполненная сомнений, страданий и упреков, бурливших в ней все сильнее и готовых вырваться наружу. Но она не хотела, чтобы все это вылилось в гнев, нет, ей нужны были объяснения. Она взяла у Мэри Ширли, и вот они обе, с дочками на руках, стояли на тропинке, возле забора из свинчатки, отделявшего соседнее кафе. Они молчали, но смотрели друг другу в глаза, Ханна жаждала подтверждения, и получила его.

– Ханна, это правда.

И – этот смех. Смех Роз. Раскатистый и резкий, смех победителя – вот что услышали Мэри и Ханна, и он стегал их, а они сжимались от жестокости этого звука. Удары хлыста все падали им на спины, и они содрогались.

– Злые люди, – наконец пролепетала Мэри, чьи губы превратились в тесто или глину. С последними взвизгами смеха Роз обе молодые женщины расплакались, побежали вниз, подальше от своих мужей, подальше от их матерей.

Две девочки пришли в большую школу в один и тот же день, в один и тот же час, рассмотрели друг друга и крепко сдружились. Малышки, они смело держались в этой огромной школе, такой же людной и шумной, как супермаркет, там, как они уже знали, была своя иерархия, и к новеньким относились враждебно, но у каждой появилась союзница, так что они взялись за руки, дрожа от страха и рвения все побороть. Огромная школа, стоявшая на холме и окруженная парками, совсем, как в Англии, хотя купол неба над ней висел совсем не английский, была готова поглотить малышей, по сути, младенцев, как считали их родители – просто слезы на глаза наворачивались.

Девочки были отважны, быстро находились, что ответить, и вскоре попытки старожиллов зацепить их сошли на нет; они поддерживали друг друга, каждая боролась и за себя, и за подругу. «Они как сестры», – говорили про них, даже: «Они как двойняшки». Светловолосые, с одинаковыми блестящими хвостиками, голубоглазые, проворные, как рыбки, но если присмотреться повнимательнее – не такие уж и похожие. Лилиан – или Лил – была худой, но мускулистой, с нежными чертами лица, а Розанна – или Роз – покрепче, и в то время как Лил смотрела на мир исключительно сурово, Роз во всем видела повод посмеяться. Но все равно все предпочитали думать и говорить, что они как «сестры», «наверное, двойняшки»; людям нравится искать сходство там, где его, скорее всего, и нет. Так оно и шло, полугодие за полугодием, класс за классом, подруги были неразлучны, что радовало их родителей, которые жили на одной улице, и сами, как это часто бывает, сдружились, благодаря детям, понимая, как им повезло, что дочери нашли друг друга, сильно упростив всем жизнь.

Хотя она и так была довольно легка. Вообще, мало кому во всем мире выпадает столь приятная жизнь без проблем, не омраченная тягостными размышлениями: не было случая, чтобы кто-то на этой земле обетованной не мог заснуть, оплакивая свои грехи или моля судьбу о деньгах, не говоря уж о хлебе насущном. И как они все красиво выглядели! Кожа благодаря солнышку, спорту и хорошему питанию у них была гладкая и сияющая. Мало где на свете люди знают о подобных побережьях, ну разве что приезжали ненадолго в отпуск, либо же слышали о них в подобных снам рассказах путешественников. Солнце и море, море и солнце, и несмолкающий плеск набегающих волн...

Девочки выросли в голубом мире. Каждая улица вела к морю, такому же синему, как их глаза – это им часто говорили. Голубое небо настолько редко хмурилось и становилось серым, что такими днями наслаждались как особенной диковиной! Ветер, который тоже нечасто становился порывистым, приносил приятный запах соли, и сам воздух был солоноватым. Девчонки слизывали соль с собственных рук и друг с друга, играя «в щенков». Когда они принимали ванну перед сном, вода в ней тоже была очень соленая, так что приходилось ополаскиваться в душе – вода поднималась с глубины, и в ней было уже больше минералов,

чем соли. Когда Роз оставалась ночевать дома у Лил или Лил у Роз, родители с умилением и улыбками смотрели на этих двух ангелочков, заснувших, прижавшись друг к другу, как котят или щенки, и пахли они уже не солью, а мылом. Все их детство прошло под плеск нежных и ручных волн моря Бэкстера, который успокаивал и усыплял, словно размеренное дыхание.

Сестры, или, если уж на то пошло, двойняшки, даже самые лучшие друзья, проходят через этапы острой конкуренции, хотя зачастую она скрывается – даже друг от друга. Но Роз видела, как страдала подруга, когда у нее – Роз – грудь выросла на целый год раньше, чем у самой Лил, не говоря уж о других признаках взросления, и щедро утешала и успокаивала ее, понимая, что ее собственную зависть по поводу подруги время не вылечит. Она мечтала быть такой же стройной и подтянутой, как Лил, которая подбирала себе наряды с необычайной легкостью и вкусом, в то время как Роз – недоброжелатели, конечно, – называли пухлой. Ей приходилось следить за питанием, а Лил могла наслаждаться всем, что пожелает.

Довольно скоро они вошли в подростковый возраст, спортивная Лил преуспевала во всех видах, а Роз играла большие роли в школьном театре и смешила людей – открытая, крупная, энергичная, громкоголосая: теперь они так же прекрасно дополняли друг друга, как и когда были похожи как две капли воды: «Их не отличить».

Обе пошли в университет: Лил – ради спорта, Роз – ради театра; там они тоже остались лучшими подругами и делились друг с другом своими достижениями, их соперничество проходило легко, зато близость была такой, что двух девушек все равно принимали за единое целое, несмотря на то что занимались они совершенно разными вещами. Вокруг них не бушевали страсти, не разбивались сердца, никого не душила ревность.

А потом, когда университет был окончен, они вышли во взрослый мир, а традиции в их краях были таковы, что девушки вступали в брак рано. «Тебе двадцать, и ты *еще* не замужем!»

Роз начала встречаться с Гарольдом Стразерсом, который был ученым и немного поэтом; а Лил познакомилась с Тео Вестерном, владельцем магазина спортивного оборудования и одежды. Он преуспевал. Мужчины поладили – женщины об этом позаботились, и свадьбы сыграли одновременно.

Пока все шло хорошо.

Наши мелкие золотые рыбки превратились в прекрасных молодых женщин, у одной свадебное платье было похоже на белую лилию (у Лилиан), а у Роз – на серебряную розу. Так написали на модной странице одной крупной газеты.

Каждая семья жила в своем доме на улице, ведущей к морю, неподалеку от того плевка суши, на котором стоял «Бэкстер». Тогда эта улица не интересовала никого, кроме художников, а, как гласит закон, если хотите знать, станет ли район популярным, следите именно за ними, за этими первыми ласточками, – место, куда они съезжаются, вскоре станет престижным. Лил и Роз поселились через дорогу друг от друга.

Лил была чемпионкой по плаванию, ее знали на всем континенте и за рубежом, а Роз не только играла в спектаклях и пела, но уже и сама ставила пьесы, готовила собственные программы и спектакли. Обе женщины были очень заняты. Однако, несмотря на все это, Лилиан и Тео Вестерн объявили о рождении сына Иена, а неделю спустя у Розанны и Гарольда Стразерс появился Томас.

Это были белокурые милые дети, и люди говорили, что они – как братья. На самом деле Том был крепким мальчишкой и легко смущался от бурных чувств своей матери, а Иен – тонким, нахальным, «трудным» ребенком, чего о Томе вообще сказать было нельзя. Иен плохо спал, иногда его мучили кошмары.

Они проводили выходные вместе и ездили в отпуск как одна большая и счастливая семья, как пела Роз, мужчины могли вместе ходить в горы или на рыбалку, в походы. Мальчишки всегда остаются мальчишками, как говорила та же Роз.

Так все и шло, а все нежеланное задвигалось подальше. «Если не сломано, то и чинить не надо», – повторяла иногда Роз. Она беспокоилась за Лил по причинам, которые станут ясны позднее, но не за себя. У Лил могут быть проблемы, но не у нее, не у нее с Гарольдом и Томом. Все шло просто расчудесно.

А потом это и случилось.

Сцена: супружеская спальня, мальчикам тогда было лет по десять. Роз лежала, растянувшись на кровати, Гарольд сидел на подлокотнике кресла и смотрел на жену с улыбкой, но решительно. Он только что сообщил ей, что ему предложили профессию в университете другого штата.

– Ну, наверное, ты сможешь приезжать по выходным, или мы к тебе, – сказала Роз.

Это было вполне в ее духе, игнорировать угрозу – несомненную! – ее браку, но муж коротко и холодно посмеялся и после паузы ответил:

– Я хочу, чтобы и вы с Томом переехали.

– *Отсюда?* – Роз села и встряхнула все такие же белокурые, но теперь уже выющиеся волосы, чтобы получше его рассмотреть. – *Переехать?*

– Почему бы тебе не признаться? Ты не хочешь расставаться с Лил, в этом же дело?

Роз в наигранном ужасе прижала к груди обе ладони. Хотя она и на самом деле была удивлена и возмущена:

– Ты на что намекаешь?

– Я не намекаю. Я говорю прямо. Это может показаться тебе странным... – Такая фраза обычно характерна для начала ссор. – Я хочу, чтобы у меня была жена. Настоящая.

– Ты с ума сошел?!

– Нет. Хочу кое-что тебе показать, – он достал коробку с пленкой. – Роз, пожалуйста. Прошу. Пойдем в соседнюю комнату, посмотрим.

Роз поднялась с кровати, весело изображая недовольство.

Она была почти голая. С глубоким вздохом, предназначавшимся небесам или некоему беспристрастному наблюдателю, она надела розовый пеньюар с перьями, который стянула из гардероба театра для какой-то пьесы: ей казалось, что он просто создан для *нее*.

Роз села напротив участка белой ничем не заставленной стены.

– Интересно, что же ты затеял, – дружелюбно проговорила она. – Гарольд, балбес ты великовозрастный. Ну же, *серьезно*, я тебя спрашиваю!

Гарольд запустил пленку с домашним видео. Это были они – четверо, два мужа, две жены. Они вернулись с пляжа, женщины в парео поверх бикини. Мужчины еще в плавках. Роз с Лил сели на диван, на тот самый, на котором она сидела сейчас, а мужчины – на стулья с жесткими спинками, подавшись вперед. Женщины разговаривали. О чем? А это важно? Они смотрели друг другу в глаза, что-то энергично объясняя. Мужья старались вклиниться в беседу, присоединиться к ним, но женщины их буквально не слышали. Гарольд, а потом и Тео разозлились, повысили голос, но их все равно не услышали, когда мужчины наконец настойчиво закричали, Роз вскинула руку, чтобы пресмирить их.

Роз вспомнила этот разговор – только что. Тема была незначительная. Мальчикам предстояло поехать к какому-то другу на выходные. Родители обсуждали. Не более того. То есть обсуждение вели матери, а отцам там и места как будто не было.

Когда мужчин заткнули, они лишь молча смотрели, обмениваясь взглядами. Гарольд был недоволен, а по жестам Тео читалось: «Женщины, что с них взять?»

А потом, бросив эту тему – мальчишек, – Роз продолжила: «Просто обязана тебе сообщить...», наклонилась к Лил и, неосознанно перейдя на шепот, сказала ей что-то, совершенно неважное.

Мужья все смотрели, Гарольд с напряженной иронией, Тео заскучал.

И так далее. Пленка крутилась и крутилась.

– Ты снял это, чтобы подловить меня? Ты все подстроил, чтобы мной манипулировать!

– Нет, ты разве не помнишь? Я снимал мальчишек на пляже. Ты взяла у меня камеру и сняла меня с Тео. А потом он сказал: «А как же девочки?»

– А...

– Да. И только просмотрев запись вчера, в общем-то я увидел... я не то, чтобы удивился. Ведь так у нас всегда. Вы с Лил вместе. Постоянно.

– Ну и что ты хочешь этим сказать? Что мы лесби?

– Нет. Не хочу. Да и если так – какая разница?

– Я просто не понимаю.

– Секс, естественно, особого значения не имеет. В сексе у нас все более чем нормально, но отношения у тебя не со мной.

Роз села, чувства скручивали ее узлом, она заломила руки, слезы готовы были пролиться.

– Так что я хочу, чтобы ты переехала со мной на север.

– Да ты спятил!

– Ох, я знал, что ты откажешься, но могла хотя бы сделать вид, что готова это обдумать.

– Ты хочешь развестись?

– Вообще-то нет. Но если бы нашлась женщина, для которой я был бы на первом месте, то...

– Тогда-то «да»! – воскликнула она наконец, расплакавшись.

– Ну, Роз... Не думай, что я не переживаю из-за этого. Ты мне дорога, ты же знаешь. И я буду дико по тебе скучать. Ты мне как друг. И вряд ли мне будет с кем-то так же хорошо в постели, это я тоже осознаю. Но здесь я чувствую себя тенью. Я не так уж важен. И все.

Теперь пришел его черед смахнуть слезу, закрыть глаза руками. Он вернулся в спальню, лег на кровать, она – рядом с ним. И они принялись утешать друг друга.

– Гарольд, ты сошел с ума, ты же это понимаешь? Я тебя люблю.

– Роз, я тебя тоже люблю, не думай, что не люблю.

Потом Роз позвала Лил, и они вдвоем посмотрели видеозапись, молча, до самого конца.

– Вот поэтому Гарольд хочет уехать, – заключила Роз, рассказав подруге вкратце о случившемся.

– Не понимаю, – ответила Лил, морща лоб. Она была крайне серьезна, да и Роз тоже, но при этом она улыбалась и злилась.

– Гарольд уверяет, что отношения у меня с тобой, а не с ним.

– Ну и чего он хочет? – спросила Лил.

– Говорит, что не чувствует себя включенным в нашу жизнь.

– Он не включен! Да я всегда при нем чувствовала себя... брошенной. Все эти годы я смотрела на вас с Гарольдом и мечтала...

До этого самого момента преданность не позволяла ей говорить, но теперь Лил наконец призналась:

– У меня брак не сложился. Мне плохо с Тео. Я никогда... но ты ведь знала. А вы с Гарольдом всегда такие счастливые... Ты себе представить не можешь, как часто я, уходя от вас, возвращалась к Тео и мечтала...

– Я не знала... Ну, то есть знала, конечно, что Тео не идеальный муж.

– Да уж не сдерживайся.

– Мне кажется, что это вам следует развестись.

– Нет-нет, – ответила Лил, взволнованно отмахиваясь от этой мысли. – Нет. Я однажды сказала это Иену в шутку, просто проверить, как бы он отреагировал, если я разведусь, и он буквально обезумел. Он так долго молчал, ну ты знаешь, как он может, а потом закричал, заплакал: «Нет, не делай этого. Не делай. Я тебе не позволю!»

– Значит, бедолага Том останется без отца.

– А у Иена его и так почти нет, – добавила Лил. А потом, когда уже казалось, что разговор завершен, вдруг спросила:

– Роз, Гарольд говорил, что мы лесби?

– Ну... нет, именно так не говорил.

– Но подразумевал?

– Не знаю. Не думаю, – непривычные попытки самоанализа причиняли Роз страдания. – Я сказала ему, что не понимаю. Не понимаю, из-за чего он так завелся.

– Но мы же не лесби, да? – спросила Лил, очевидно, нуждаясь в ответе.

– Мне кажется, нет.

– Но мы долго дружим.

– Да.

– Когда это началось? Я помню тот первый день в школе.

– Да.

– А до этого? Как это вышло?

– Не помню. Может, просто... повезло.

– Это точно. Ты – самая большая удача в моей жизни.

– Да, – согласилась Роз. – Но это же не значит, что мы... Чертовы мужики! – злость внезапно оживила ее, придав сил.

– Чертовы мужики! – повторила Лил с чувством, направленным на собственного мужа. На этой ноте разговор был окончен.

Гарольд умотал в свой университет, окруженный не океаном, морскими ветрами, песнями и сказаниями, а песком, кустарником и колючками. Роз иногда приезжала к нему, ставила там свою «Оклахому!», которая имела огромный успех, и они снова предавались более чем нормальному сексу. Она говорила: «Не понимаю, на что тебе жаловаться? – а он: «Ты бы на моем месте не жаловалась, да?» Когда Гарольд приезжал к ней и мальчикам – поскольку дети все время проводили вместе, их так и называли «мальчиками», во множественном числе, – казалось, что ничего не изменилось. Они ходили всюду вместе, приветливый Гарольд и энергичная Роз, любимая многими молодая чета – ну, может, уже не такая молодая, – как писали в желтой прессе. Хотя их брак уже доживал свое, они все равно казались полноценной парой. Как они сами над собой подшучивали – а юмора в их отношениях всегда было в избытке, – они были как деревья, сердцевина у которых уже сгнила, или кусты, которые растут от центра вширь и в той же последовательности умирают. Расходиться им было нелегко. Куда бы они ни пошли, его приветствовали бывшие ученики, а ее – все те, кто работал над ее постановками. Для сотен людей они были «Гарольдом и Роз». «Роз, Гарольд, вы меня помните?» Она всегда помнила всех, а он знал своих прежних учеников, словно королевская особа, предъявляющая к себе требования запоминать все лица и имена. «Стразерсы расходятся? Да ладно! Не верю».

На вторую пару было направлено не меньше прожекторов, ведь Лил стала постоянным членом судейских бригад на соревнованиях по плаванию, бегу и в других видах спорта, вручала призы, произносила речи. И у нее тоже был симпатичный муж, Тео – известный владелец сети спортивных магазинов. Стройные, красивые, у всех на виду, как и их друзья, но в совсем ином стиле. В них не было ничего лишнего, никакого пафоса, они были любезны, улыбки, открыты – само воплощение благонадежных граждан.

Расставание Роз с Гарольдом не привело к разрыву между Тео и Лил. Ведь их брак был всего лишь видимостью уже много лет. Одна любовница Тео сменяла другую: как он сам жаловался, во всех его многочисленных командировках по работе в постели его всегда кто-то ждал.

А потом Тео погиб в автокатастрофе. Лил осталась вдовой, довольно богатой, со своим сыном Иеном – капризным, совершенно непохожим на Тома, – и в этом прибрежном городке, где благодаря климату и стилю жизни все постоянно находятся на виду, две женщины остались одни, без мужей, но с двумя маленькими сыновьями.

Пара молодых женщин с детьми: вот что интересно, поворотный момент, время перемен. Какое-то время на них глазели, их обсуждали, они были в центре внимания: молодые мамочки, явно очень сексуальные, а за ними ходили или бегали вокруг них два хорошеньких ребенка. «Ой, какой милый мальчик, какая хорошенькая девочка! Как тебя зовут? Какое красивое имя!» – и тут же, сразу, ну, по крайней мере, так кажется, мамочки, уже и не такие молодые, как будто бы теряются, даже съеживаются, и уж точно теряют свой цвет и блеск. «Так сколько ему, ей?» Подрастает новое поколение, человеческие интересы смещаются. Все взоры уже устремлены на них, а не на их мам. «Так быстро растут, да?»

Две красивые женщины снова оказались вместе, словно мужчины в их уравнении никогда и не появлялись, они ходили всюду с двумя прекрасными мальчиками. Один – весьма деликатный и поэтичный, его выгоревшие на солнце локоны спадали на лоб, а второй – сильный, спортивный, они дружили, как и их матери в том же возрасте. На горизонте, на севере, пока сохранялся один отец, Гарольд, но он уже сожительствовал с девушкой, которая, предположительно, не имела таких недостатков, как Роз. Он иногда навещал их, останавливаясь у нее дома, но спал в другой комнате (по идее, это должно было казаться обоим абсурдным), а Том ездил к нему в университет. Так что, по сути, это были две женщины за тридцать и двое взрослеющих подростков. Казалось, что их дома, стоявшие совсем рядом, друг напротив друга, принадлежали обеим семьям одновременно. «У нас расширенная семья!» – восклицала Роз, которая всегда давала всему определения.

Мальчишеская красота – дело непростое. Девчонки – да, с их манящими яйцеклетками, матери всех людей, это понятно, они обязаны быть красивыми, они почти все красивы, даже если всего на год или на день. Но мальчишки – почему? Зачем? Но на определенное время, очень небольшой промежуток, лет в шестнадцать, семнадцать, вокруг них появляется некая поэтическая аура. Они становятся подобны молодым богам. Они, эти существа, кажущиеся пришельцами из других миров, порой завораживая и родственников, и друзей. Хотя они сами зачастую этого даже не осознают, для самих себя они – как неудачно запакованные свертки, которые сами подростки пытаются удержать, ничего не рассыпав...

Роз с Лил не жили на веранде, выходящей на море, и увидели, как их мальчики поднимаются по тропинке, немного недовольные, размахивая купальными принадлежностями, которые собирались повесить сушиться на веранде. Они были так красивы, что обе женщины сели и переглянулись, обменявшись удивленными взглядами. «Боже мой!» – воскликнула Роз. «Да», – согласилась Лил. «Это наши творения, мы их родили», – добавила Роз. «Если не мы, то кто?» – ответила Лил. А мальчишки, бросив полотенца и плавки, прошмыгнули мимо с улыбками, означавшими, что у них полно дел: они не хотели, чтобы их заставляли есть, или застилать кровати, или что-нибудь еще столь же неважное.

«Боже мой! – снова повторила Роз. – погоди, Лил...» Она встала и ушла в дом. Лил ждала, едва заметно улыбаясь сама себе, посмеиваясь над театральными манерами подруги, как это часто бывало. Роз вернулась с фотоальбомом. Она придвинула свое кресло поближе к Лил, и они принялись перелистывать страницы: младенцы на пледах, младенцы в ванне, «первые шаги», «первые зубы» – и, наконец, добрались до страницы, которую, как они прекрасно понимали, ждали увидеть обе. Две девушки лет шестнадцати.

– Боже! – опять воскликнула Роз.

– Неплохо, – согласилась Лил.

Да, красавицы, сделанные из загадок и мармеладок, но если сфотографировать Иена с Томом сейчас, передаст ли снимок те чары, от которых просто перехватывает дух, когда они шагают по комнате или лениво выходят из моря?

Женщины неспешно просматривали свои фотографии – это был альбом Роз, но у Лил имелся точно такой же. Снимки Роз, снимки Лил. Двух хорошеньких девушек.

Они не нашли того, что искали. Ни на одной фотографии не было этого неземного сияния, которое сейчас излучали их сыновья.

Женщины так и сидели, альбом лежал на их вытянутых загорелых ногах – они были в бикини, – и тут появились мальчики со стаканами сока.

Они сели на стенку веранды и принялись смотреть на своих матерей, Роз и Лил.

– Что они делают? – серьезно спросил Тома Иен.

– Что они делают? – с нарочито глупым видом передразнил Том, который, как всегда, шутил. Он подскочил, посмотрел на страницу альбома, который все так и лежал на коленях у Роз с Лил, и вернулся на место. – Любуются, какими красавицами они были в школе, – доложил он Иену. – Да, мам? – обратился он к Роз.

– Верно, – подтвердила Роз. – *Tempus fugit*¹. Летит как сумасшедшее. Вы себе не представляете этого – пока. Нам захотелось посмотреть, какими мы были много лет назад.

– Да не так уж и много, – сказала Лил.

– Ты даже сосчитать не пробуй, – ответила Роз. – Достаточно.

Теперь уже Иен подошел и взял фотоальбом, и они с Томом принялись разглядывать девочек – своих матерей.

– А они были ничего, – сказал Том Иену.

– Да, весьма, – согласился Иен.

Женщины обменялись улыбками... скорее, просто скривили рты.

– Но сейчас лучше, – заявил Иен и покраснел.

– Какой ты милый, – ответила Роз, принимая комплимент на свой счет.

– А я не знаю, – Том принялся дурачиться, делая вид, что сравнивает девушек на фото с сидевшими перед ним женщинами в бикини.

– Не знаю. Сейчас... – он сощурился и внимательно рассмотрел их. – И тогда, – уткнулся в альбом.

– Сейчас, – объявил он наконец. – Да, сейчас лучше!

Тут мальчишки начали толкать друг друга ногами и плечами, они иногда все еще боролись, как дети, хотя люди уже видели в них пару молодых богов, каждый шаг и жест которых был точной копией рисунков на старинных вазах или древних танцев.

– За наших мам, – сказал Том, подняв стакан апельсинового сока.

– За мам, – повторил Иен, улыбнувшись, глядя прямо на Роз, да так, что она заерзала и переменяла позу.

Роз сообщила Лил, что Иен в нее, Роз, влюблен, а Лил ответила: «Не обращай внимания, он скоро забудет».

Чего Иен не забыл, даже не начал забывать, так это смерть своего отца, после которой прошло уже два года. Лишившись его, мальчик начал чахнуть, худеть, стал почти прозрачным, и мать была постоянно недовольна: «Иен, поешь хоть что-нибудь, ты должен есть».

«Да отстань».

Том не переживал: его отец иногда объявлялся, да и сам он ездил к нему в университет, где не было выхода к морю. А у Иена не осталось ничего, даже увядающих воспоминаний.

---

¹ Время летит (лат.).

В том месте, которое должен был занимать его отец, хотя бы плохонький, с его постоянными отъездами и романами на стороне, не было ничего – пустое место. Иен старался храбриться, но его мучили кошмары, и у обеих женщин болела душа за него...

Большой мальчик с опухшими от слез глазами, он подходил к маме, когда она сидела на диване, и падал рядом с ней, и она обнимала его. Или же к Роз, которая тоже его обнимала.

«Бедный Иен».

А Том наблюдал, внимательно, примиряясь с этим горем, пусть оно было не его, но все равно – очень близкое, ведь страдал его друг, почти брат, Иен. «Они как братья», – говорили люди. «Эти вот, двое, они – как родные». Но одного это горе пожирало, как рак, а другого нет, он лишь пытался вообразить боль товарища, но не мог.

Однажды ночью Роз встала с кровати и пошла к холодильнику, взять чего-нибудь попить. У них дома находился Иен, решивший переночевать у друга, что случалось довольно часто. Он спал либо на второй кровати в комнате Тома, либо в комнате Гарольда, как в тот день. Роз услышала, как он плачет, и, не задумываясь, подошла и обняла мальчика, прижала к себе, как маленького, ведь она именно так всю свою жизнь и делала. Он заснул в ее объятиях, а с утра уже смотрел на нее голодным, требующим, болезненным взглядом. Роз молчала, обдумывая случившееся ночью. Она не рассказала Лил, что произошло. А, собственно, что? Да ничего нового, все это повторялось сотни раз до этого. Но на этот раз получилось странно...

«Она не хотела, чтобы подруга волновалась!»

Правда? Разве она хоть когда-нибудь хоть что-нибудь скрывала от Лил?

Так случилось, что Том ушел на пару ночей домой к Лил – через дорогу, к своему другу Иену. Роз, оставшись одна, позвонила Гарольду, и они поговорили, как настоящие супруги.

– Как Том?

– У него все отлично. У Тома всегда все отлично. А вот у Иена не особенно. Он слишком уж страдает из-за смерти Тео.

– Бедный ребенок, но он переживет.

– Ну, пока не торопится. Слушай, Гарольд, когда приедешь в следующий раз, может, сходишь куда-нибудь с Иеном, поговорите наедине?

– А как же Том?

– Он поймет. Он тоже за Иена волнуется, я вижу.

– Ладно. Хорошо. Можешь на меня рассчитывать.

Гарольд приехал, и у них с Иеном действительно состоялась долгая прогулка по набережной, Иен поговорил с Гарольдом, которого знал всю свою жизнь и который был для него как второй отец.

– Иен очень страдает, – доложил Гарольд Роз и Лил.

– Я знаю, – ответила Лил.

– Ему втемяшилось, что он ничего не стоит. Что он неудачник.

У них глаза на лоб полезли:

– Как можно оказаться неудачником в семнадцать лет? – удивилась Лил.

– Мы разве чувствовали что-нибудь подобное? – спросила Роз.

– Я точно да, – ответил Гарольд. – Не переживай.

И вернулся в свою пустыню, в свой университет. Он подумывал о том, чтобы снова жениться.

– Ладно, – сказала Роз. – Если надо, разведемся.

– Ну, она, наверное, детей захочет, – пробормотал муж.

– Ты не уверен?

– Ей двадцать пять. Не буду же я спрашивать.

– А, – Роз все поняла. – Не хочешь подавать ей эту идею?

И рассмеялась.

– Пожалуй, – согласился Гарольд.

Потом Иен снова ночевал у Тома. Точнее сказать, в его доме. Он пошел в комнату Гарольда, бросив мимолетный взгляд на Роз – она надеялась, что Том этого не заметил.

Проснувшись ночью, она собралась было сходить попить, либо же просто побродить по дому в темноте, что она делала довольно часто, но не пошла, испугавшись, что опять услышит плач Иена, не сдержится и пойдет к нему. Но потом Роз обнаружила, что он сам в темноте по ошибке зашел в ее комнату и вцепился в нее, как в спасательный круг во время шторма. Она даже представила себе те семь черных камней в темноте, похожих на гнилые зубы, бьющиеся о них волны и водопады белых брызг...

На следующее утро Роз сидела за столом в комнате с выходом на веранду, где чувствовался аромат моря и слышался успокаивающий и убаюкивающий плеск волн. Припелся Том, только из постели, от него еще пахло юношеским сном. «А где Иен?» – поинтересовался он. Обычно он не спрашивал: они могли спать до полудня.

Роз размешивала кофе в чашке, крутила ложечкой и крутила, не глядя на сына. «В моей кровати».

Прежде на это никто бы не обратил внимания, поскольку в их «расширенной семье» вполне было принято, чтобы матери и мальчики, или обе женщины, или любой мальчик с любой из женщин прилегли бы вместе – поболтать или отдохнуть, или даже два мальчика, даже с Гарольдом, когда он приезжал.

Но теперь Том уставился на нее поверх своей тарелки, на которую еще ничего не положили.

Роз приняла его взгляд и взглядом же ответила, как кивком.

– Боже! – воскликнул Том.

– Да, – ответила Роз.

Забыв о тарелке и неналитом соке, Том подскочил, схватил со стенки веранды плавки и бросился в сторону моря. Один. Хотя обычно он звал с собой Иена.

Том не появлялся целый день.

Вообще были каникулы, но он, видимо, пошел на какие-то внеурочные школьные занятия, которыми всегда пренебрегал.

Лил не было, она судила на каких-то соревнованиях и возвратилась только к вечеру. Она пришла к Роз и заявила: «Роз, я без сил. Есть что поесть?»

Иен сидел за столом, напротив Роз, но не смотрел на нее. Перед Томом стояла тарелка. Он заговорил с Лил, как будто, кроме них, никого не было. Она сама этого практически не осознала, поскольку слишком устала, но остальные-то двое заметили. Том вел себя так до конца ужина, а когда Лил сказала, что пойдет спать, что совершенно измотана, он встал и ушел с ней в темноту.

На следующее утро, позже обычного, Том перешел через дорогу и застал Роз за столом: та сидела, как обычно, в удобной и беззаботной позе, в небрежно повязанном парео. Он смотрел не на нее, а вокруг нее, на комнату, на потолок сквозь делириум счастливого свершения. Роз даже гадать не пришлось; она уже знала, ведь именно такой же дымкой был окутан всю ночь и Иен.

Том бродил по комнате, колотя по всему, что попадалось под руку: по подлокотнику кресла, по столу, по стене, потом разворачивался и лупил по креслу, стоявшему рядом с ней, как школьник, неспособный сдерживать свою силу молодецкую, но сразу останавливался, смотрел перед собой, думал, хмурился – как взрослый. Потом резко разворачивался, подлетал к матери, опять – как школьник, воплощение смеха и хитрости. После чего наступило

смятение – он не был уверен в себе, в матери, которая сначала покраснела, потом побелела, потом встала и дала ему пощечину, от души, по одной щеке, по другой.

– Не смей, – прошептала она, дрожа от ярости. – Как ты можешь...

Сын присел, закрыл голову руками, защищаясь, поднял глаза на нее, лицо скривилось, как у готового заплакать мальчишки, но он взял себя в руки, распрямился, посмотрел на нее и извинился, хотя ни он сам, ни она, не могли бы точно объяснить, за что «извини» и что «не смей». Не говорить и не выдавать лицом то, что он прошедшей ночью узнал о женщинах – благодаря Лил?

Он сел, опустил лицо на ладони, потом вскочил, схватил купальные принадлежности и побежал к морю, которое в то утро было похоже на ровную голубую тарелку с каймой из ярких домиков, которые стояли на противоположном изгибе бухты, обнимающей залив.

Том в тот день домой не вернулся, он снова пошел к Лил. Иен спал допоздна – ничего необычного. Ему тоже было трудно на нее смотреть, но она понимала, что ее вид, до боли знакомый и в то же время полный новых мучительных откровений, был для него просто непереносим, так что он тоже схватил полотенце и плавки и убежал. Вернулся он, только когда стемнело. Она сделала какие-то дела по мелочи, позвонила кому-то по работе, занялась приготовлением еды, какое-то время мрачно стояла, рассматривая дом напротив, не подававший никаких признаков жизни, а потом, когда пришел Иен, подала ужин на двоих, и они пошли в кровать, предварительно заперев все двери – такого на их памяти давно не бывало.

Прошла неделя. Роз сидела за столом в одиночестве, с чашкой чая, когда в дверь постучали. Она понимала, что не реагировать нельзя, хотя она бы с удовольствием и дальше жила в этом сне или наваждении, так внезапно охватившем ее. Она натянула джинсы с футболкой, чтоб хотя бы выглядеть поприличнее. Открыв дверь, она увидела дружелюбное и любопытное лицо Сола Хатлера, жившего через пару домов от Лил, с ним у них были хорошие отношения. Пришел он потому, что Лил ему нравилась, и он хотел бы на ней жениться.

Сол сел, согласился выпить чаю, Роз выжидала.

– Давно не виделись, а Лил не открывает.

– Ну, в школе сейчас каникулы.

Но обычно она с мальчиками – Лил с мальчиками – много времени проводила, сидя за столом возле дома, и люди махали им с улицы.

– Парнишке, Иену, нужен отец, – решил зайти с этой стороны Сол.

– Да, нужен, – сразу же согласилась Роз: за последнюю неделю она хорошо поняла, насколько ему нужен отец.

– Я уверен, что смогу им стать – насколько Иен мне позволит.

Сол Хатлер был хорошо сложен и не выглядел на свои пятьдесят лет. Он управлял сетью магазинов для художников: краски, холсты, рамы, все такое, с Лил они близко познакомились во время совместной работы в городской торговой ассоциации. Роз и Лил соглашались в том, что он стал бы хорошим мужем – если бы он был нужен хоть одной из них.

Роз сказала то же, что говорила и ранее:

– Не лучше ли тебе поговорить об этом с самой Лил?

– Я говорю. Но ее от меня, наверное, уже тошнит, от моих притязаний.

– И ты хочешь, чтобы я тебя поддержала... в твоих притязаниях?

– Вроде того. Я считаю себя неплохой партией, – с улыбкой сказал Сол, подтрунивая над собственным хвастовством.

– Я тоже думаю, что ты был бы неплохой партией, – смеясь, согласилась Роз, ей нравился этот флирт, если это был он. После недели плотской любви флиртовать ей было так же легко и приятно, как нежиться в постели. – Но проку от этого никакого, тебе ведь нужна Лил.

– Да. Я давно, очень давно положил на нее глаз.

То есть еще до того, как его собственная жена ушла к другому...

– Но она лишь смеется надо мной. И вот почему, интересно? Я ведь серьезный парень. А ребята сегодня где?

– Плавают, наверное.

– Я вообще просто зашел проверить, все ли у вас хорошо, – Сол поднялся, стоя допил чай. – Увидимся на пляже.

Как только он ушел, Роз позвонила Лил:

– Надо показываться почаще. Сол заходил.

– Пожалуй, – сказала Лил глубоким голосом.

– Надо сходить на пляж. Всем вчетвером.

Было жаркое утро.

Водная гладь сверкала. Солнце в небе сияло, не щадя глаз, – без темных очков не обойтись.

Лил с Роз в небрежно повязанных поверх бикини парео, щедро намазав кожу кремом от солнца, шли вслед за мальчиками на пляж. Вообще-то, он пользовался популярностью, но в такой час, да еще и в рабочий день, тут было всего лишь несколько человек. Два стула, стоявшие возле забора Роз, уже сильно пострадали от солнца и бурь, но сидеть на них еще было можно. Женщины расположились на стульях, а мальчишки убежали в море. Том с матерью едва поздоровался, взгляд Иена лишь скользнул по Лил, и сын умчался прочь.

Волны здесь, в бухте, были достаточно бодры и приятны, но никогда не достигали такого размера, чтобы заниматься серфингом, на досках катались за ее пределами, то есть за Зубами. В детстве мальчики играли только на этом пляже, в безопасности, теперь же они считали, что купаться тут хорошо, а за серьезными опасными развлечениями ходили на пляж серфингистов. Они держались на расстоянии, игнорируя друг друга, а женщины спрятали глаза за все скрывающими темными очками, ни одна из них тоже не хотела разговаривать – они не могли...

Вдалеке они заметили голову, похожую на тюленю, она все росла и росла, а потом оказалось, что это Сол. Он вышел из воды, помахал им рукой, но пробрался через кусты, растущие у соленого моря, мимо домов, и вышел на улицу.

Мальчишки плыли к берегу. Добравшись до мели, они встали и посмотрели друг на друга. Потом начали пихаться. Они боролись так все время, пока росли, по-мальчишески, но вскоре стало ясно, что сегодня это уже не просто детская забава. Они стояли в воде по пояс, их окатывали волны, забрызгивая пеной, потом вода отступила, Иен скрылся из виду – Том прижимал его ко дну. Набежала волна, другая, – Лил в ужасе подскочила:

– Боже, он сейчас убьет Иена! Том убьет...

Но вот показался Иен, хватая ртом воздух, цепляясь за плечи Тома. И опять пошел ко дну.

– Тихо, Лил, – ответила Роз. – Нам не следует вмешиваться.

– Но он убьет... Том хочет убить...

Иен давно не показывался, не меньше минуты, даже дольше...

Испустив громкий крик, Том отпустил его, голова Иена показалась из-под воды. Встать ему не удалось, он упал, но снова поднялся, глядя вслед Тому, направившемуся в сторону пляжа. Когда тот ступил на песок, стало видно, что у него из ноги течет кровь. Иен его укусил, там, под водой, и укусил довольно сильно. Иен все еще стоял в воде, покачиваясь, откашливаясь, тяжело дыша.

Роз пыталась сдержаться, но все же бросилась в море и помогла Иену выйти. Он был бледен, его рвало соленой водой, но он оттолкнул ее, сел один на песке, опустив голову на колени. Роз вернулась на место.

– Это мы виноваты, – прошептала Лил.

– Лил, прекрати. От обвинений не станет легче.

Том стоял на одной ноге, осматривая укус, рана обильно кровоточила. Он вернулся в море и принялся поливать укус соленой водой. Потом опять вышел, отыскал свое полотенце, разорвал напополам и одним куском повязал ногу. Встал и заколебался. Он мог бы пойти к себе домой, а оттуда – к Лил. Или остаться у себя, чтобы не пустить Иена? Или плюхнуться тут, возле забора, неподалеку от женщин...

Но вместо этого он повернулся и уставился на Иена, с каким-то даже любопытством.

Потом похромал к нему и сел рядом. Оба молчали.

Женщины наблюдали за двумя молодыми героями, сыновьями, любовниками, красивыми парнями, чья кожа блестела от морской воды и крема, как у борцов древности.

– Роз, что будем делать? – прошептала Лил.

– Я знаю, что буду делать я, – ответила Роз и встала.

– Обедать! – крикнула она, точно так же, как все последние годы, ребята покорно встали и пошли вслед за женщинами в дом Роз. – Забинтуй-ка, – сказала она сыну. Иен принес бинты и пластырь, продезинфицировал и перебинтовал рану.

На стол, как обычно, выставили различные колбасы, сыры, ветчину и хлеб, большое блюдо с фруктами, и все четверо сели обедать. Молча. Потом Роз заговорила, спокойно и неспешно:

– Надо вести себя так, будто ничего не случилось. Помните – все делаем как обычно, как раньше.

Мальчики переглянулись, словно спрашивая. Потом посмотрели на Лил. На Роз. Нахмурились. Лил улыбалась, но едва заметно. Роз разрезала на четыре части яблоко, пододвинула четвертинку каждому и со вкусом откусила от своей дольки.

– *Очень* смешно, – сказал Иен.

– Думаю, да, – ответила Роз.

Иен встал, взял огромный сэндвич с салатом, в другую руку – кусок яблока и пошел в спальню Роз.

– *Ладно*, – Лил рассмеялась с ноткой горечи.

– Именно так, – подтвердила Роз.

Том тоже поднялся и пошел через дорогу – в дом Лил.

– Что будем делать? – спросила Лил у подруги, словно ждала решения своей судьбы, прямо здесь и сейчас.

– Кажется, мы уже все делаем, – ответила Роз. И пошла к себе вслед за Иеном.

Лил собрала аптечку и пошла домой, помахав рукой Солу Хатлеру, сидевшему у себя на веранде.

Начался учебный год, последний класс для мальчиков. Они оба были старостами и вызывали восхищение. Лил часто разъезжала по другим городам, судила, вручала призы, произносила речи – знаменитая, стройная, высокая, скромная женщина, в безупречных светлых нарядах, с аккуратно уложенными и ухоженными светлыми волосами. Все знали ее добрую улыбку, ее сострадательность, доброту. В нее влюблялись и мальчишки и девчонки, писали ей письма, в которых часто встречалась фраза: «Я знаю, что вы меня поймете». Роз координировала постановки мюзиклов в паре школ, сама работала над пьесой: фарсом на тему секса, привлекательная громкая женщина, настойчиво дающая понять, будто ее укус может оказаться куда страшнее ее лая: «Так что поосторожнее, не надо меня злить!»

Они показывались на людях, все четверо и по отдельности; казалось, что ничего не изменилось, они ели в комнате, окна которой выходили на улицу, купались в море, иногда женщины отдыхали на пляже одни, потому что мальчишки уходили кататься на досках.

Они оба изменились, больше Иен, чем Том. Застенчивый, робкий и скромный, он обрел уверенность в себе, повзрослел. Роз, помнившая того измученного мальчика, который оказался в ее постели впервые, тайно гордилась собой, хотя, естественно, ни с кем, даже с Лил, она не могла об этом поговорить. Да, она сделала из него мужчину. Вы только посмотрите на него... Иен больше не закрывался, не плакал от одиночества, не страдал по отцу. Он считал, что она принадлежит ему, а ее это забавляло, даже очень нравилось. Том же, никогда не страдавший от застенчивости и сомнений в себе, превратился в сильного, вдумчивого юношу, он защищал Лил, как никогда не защищал мать. Это были уже даже не мальчишки, а молодые люди, вполне симпатичные, ими начали интересоваться девчонки, так что дома Лил и Роз, как она шутила, превратились в крепости, защищавшие их от обезумевших страстных девиц. Но в этих домах, открытых солнцу, морскому бризу и шепоту волн, были комнаты, в которые не входил никто кроме Иена и Роз, кроме Тома и Лил.

Лил призналась Роз, что она настолько счастлива, что даже страшно.

– Неужели в жизни может быть нечто столь восхитительное? – шептала она, боясь, что ее услышат – но кто? Рядом никого не было. Она подразумевала, и Роз ее вполне понимала, что такое сильное счастье не может остаться безнаказанным. Роз повысила голос и отшутилась, что «это такая любовь, имя которой нельзя произносить»², и запела:

– «Я тебя люблю, о да, люблю тебя, а обманывать грешно»...³

– Ох, Роз, – не унималась Лил, – временами мне становится так страшно.

– Глупости, – возразила Роз. – Не беспокойся. Старухи им скоро наскучат, и они найдут себе ровесниц.

Шло время.

Иен поступил в колледж и начал изучать бизнес, финансы и компьютеры, а еще – работал в спортивных магазинах, помогая Лил: он готовился занять место отца. А Том решил стать менеджером театра. Лучший в стране курс читался в университете, где работал его отец, и казалось очевидным, что он должен ехать туда. Гарольд написал и позвонил, заверив, что в доме, где он жил с новой женой и дочерью, полно места. Они с Роз развелись спокойно, без грязи, но Том сказал, что никуда не поедет, его родной город – это его дом и он не хочет на север. У них тоже довольно хороший курс, к тому же и у матери есть чему поучиться. Гарольд даже приехал лично, желая переубедить сына: он собирался давить на то, что Том не хочет уезжать лишь потому, что держится за мамину юбку, но, увидев его, этого выдержанного и полного решимости молодого человека, взрослого не по годам, понял, что это обвинение было бы явно несправедливым. Пока Гарольд жил в своем бывшем доме, Иену несколько дней приходилось ночевать у себя, да и Тому тоже, и никому из четверки это не нравилось. Гарольд понимал, что все предпочли бы, чтобы он поскорее уехал, что ему тут не рады. Ему было не по себе, неловко, он высказал Роз свое мнение: парни уже слишком большие, чтобы столько времени проводить с немолодыми женщинами.

– Мы же их на поводках не держим, – ответила Роз. – Они могут идти куда хотят.

– Ну, не знаю, – наконец сдался Гарольд. И вернулся к своей новой семье.

Том записался на курсы по театральному менеджменту, сценическому менеджменту, сценическому свету, дизайну костюмов, истории театра. На это требовалось три года.

– Мы все работаем как лошади, – громко говорила Роз Гарольду по телефону. – Не понимаю, чем ты недоволен.

– Тебе надо бы снова выйти замуж, – настаивал ее бывший супруг.

– Ну, если уж ты не смог меня вынести, то кто же? – отрезала она.

---

² Строка из стихотворения Лорда Альфреда Дугласа «Две любви».

³ Песня Билли Холидея.

– Роз, я просто старомодный семьянин. А ты в эту концепцию особо не вписываешься, признай.

– Слушай, ты меня бросил. Нашел себе идеальную жену. Теперь-то уже оставь меня в покое! Вон из моей жизни, Гарольд.

– Надеюсь, ты это не серьезно.

Тем временем Сол Хатлер продолжал ухаживать за Лил.

Все уже относились к этому, как к некой шутке, даже сам Сол. Когда он видел, что Лил направляется к Роз, он брал цветы, конфеты, журналы, плакаты и кричал: «Идет твой благоверный». Женщин это веселило, Роз иногда делала вид, что цветы для нее. Иногда он приходил и к самой Лил, но если там был Том или Иен, быстро прощался.

– Нет, – говорила ему Лил. – Прости, Сол. Я просто не вижу себя опять замужем.

– Лил, но ты же не молодеешь. И не стройнееешь. А кое-кто всегда рядом. Когда-нибудь ты будешь этому рада.

Или он подкатывал к Роз:

– Лил когда-нибудь поймет, что хорошо иметь мужчину в доме.

Однажды, когда мальчишки – парни! – собирались пойти на пляж серфингистов, пришел Сол с цветами для обеих женщин.

– Ну, вы обе, садитесь, – сказал он.

Женщины улыбнулись и сели, ожидая.

Ребята на выходящей к морю веранде собирали доски, полотенца, очки.

– Привет, Сол, – сказал Том.

После длительной паузы поздоровался и Иен. Значит, это Том его заставил.

Иен Сола не любил и боялся. Он как-то сказал Роз:

– Он хочет отобрать у нас Лил.

– Ты имеешь в виду, у тебя.

– Да, и меня хочет получить. Готового сына. Почему бы ему собственных не наделать?

– Я думала, ты мой, – ответила Роз.

Услышав это, Иен запрыгнул на нее, демонстрируя, кто чей.

– Очаровательно, – сказала она.

– А Сол может идти в жопу, – заключил Иен.

И вот Сол подождал, пока юноши уйдут к морю.

– Так, слушайте, скажу вам обоим: я снова хочу жениться! И, насколько я знаю, на тебе, Лил. Но вам решать.

– Нет, не пойдет, – ответила Роз, а Лил лишь пожала плечами. – Мы же понимаем, как это все должно выглядеть. Такого, как ты, любая женщина ищет...

– Опять ты за Лил говоришь!

– Ну, она уже довольно часто и сама тебе отказывала.

– Но ведь вам обоим с мужиком будет лучше, – настаивал он. – Вы две, без мужчин, и двое парнишек. Слишком уж все хорошо.

Они испытали короткий шок. Что? Это намек?

Но Сол продолжил:

– Вы – очаровательные девушки, – сказал галантный ухажер. – Обе такие... – и вдруг замер, на лице боролись эмоции, мощные чувства, но потом оно окаменело.

Сол пробормотал:

– Боже мой... – и уставился на них, переводя взгляд с Лил на Роз и обратно.

– Боже, – повторил он. – Вы, наверное, думаете, что я идиот какой-то.

Голос его стал монотонным: открытие поразило его до самой глубины души.

– Я идиот, – добавил он через какое-то время. – Да, все так.

– Что «так»? – спросила Лил. – Ты о чем?

Ее голос звучал робко, она боялась узнать, что на самом деле думает сосед. Роз пнула ее ногой под столом. Лил, даже наклонясь, чтобы потереть лодыжку, не сводила глаз с Сола.

– Я дурак, – снова сказал он. – Вы, наверное, хорошенько надо мной посмеялись...

Сол встал и, пошатываясь, вышел. Он едва перешел дорогу, чтобы добраться до собственного дома.

– Понятно, – сказала Лил.

Она хотела было пойти за ним, но Роз ее остановила:

– Стой. Это же хорошо, ты что, не понимаешь?

– Теперь он пустит слух, что мы лесби, – сказала Лил.

– И что? Наверное, этот слух пройдет уже не первый раз. Ты послушай, что вообще люди говорят!

– Мне это не нравится...

– Да пусть болтают! И чем активнее, тем лучше. Так мы будем в безопасности.

Вскоре их всех пригласили на свадьбу Сола с молоденькой женщиной, внешне похожей на Лил.

Оба сына были довольны. Женщины же думали иначе.

– Ни одной из нас больше не светит такая же удачная партия, как Сол, – это сказала Лил.

– Да, – согласилась Роз.

– А что мы будем делать, когда мальчикам надоедят старухи?

– Я выплачу все глаза. Зачахну.

– Надо стареть красиво, – сказала Лил.

– Черта с два. Я буду сопротивляться до последнего.

Но пока они еще не состарились, даже близко к тому не было!

Хотя им уже за сорок, да и мальчики уже не мальчики, время их неистовой красоты тоже миновало. Сейчас, увидев этих двух сильных, уверенных в себе молодых людей приятной наружности, вы бы не подумали, что некогда они приковывали к себе взгляды, полные восхищения, страсти и любви. А женщины, однажды напомнившие друг другу, что когда-то их ребята были похожи на богов, принялись рыться в старых фотографиях, и не нашли на снимках того, что лицезрели собственными глазами: точно так же, как и в собственном альбоме они видели лишь симпатичных девушек – не более того...

Иен уже руководил на пару с матерью сетью спортивных магазинов и стал перспективным бизнесменом и известным человеком. Но в театре отличиться труднее: Том находился лишь у подножия горы, когда Иен уже близился к вершине. Для Тома такое положение вещей было непривычным, раньше он во всем лидировал, а Иен смотрел на него снизу вверх.

Но Том не сдавался. Он работал. И, как всегда, был очень мил с Лил, стараясь проводить в ее постели максимум времени, насколько это было возможно, с учетом большой загрузки и нестабильности в театре.

– Ну вот, – сообщила Лил Роз. – Он начал от меня уставать.

Но в поведении Иена не было никаких намеков на то, что он хочет оставить Роз, наоборот. Он был внимателен и требователен, властен, а однажды, когда она улеглась на подушки после занятий любовью, разглаживая дряблую кожу на предплечьях, он вскрикнул, обнял ее и закричал:

– Нет, нет, даже не думай! Я не разрешу тебе состариться!

– Ну, это все равно произойдет, как ни крути...

– Нет, – и он зарыдал точно так же, как тогда, когда был еще мальчишкой и плакал в ее объятиях по отцу. – Нет, Роз, пожалуйста, я люблю тебя.

– Значит, я не должна стареть, да, Иен? Ты мне не разрешаешь? Сумасшедший, безумный мальчишка, – сообщила Роз невидимым зрителям, как делает человек, когда ему кажется, что голоса здравого смысла никто не слышит.

Когда Роз оставалась одна, ей делалось тревожно, страшно. Ее пугали притязания Иена. Он и впрямь, казалось, отказывался принимать во внимание тот факт, что она старится. Ненормальный! Но, возможно, безумие и является одним из тех огромных невидимых колес, за счет которых крутится наш мир?..

Между тем отец Тома от своей цели – спасти сына – не отказался. Он заявлял об этом открыто.

– Я спасу тебя от этих фам фаталь, – сообщил он ему по телефону. – Приезжай сюда, позволь старику за тебя взяться.

– Гарольд вознамерился спасти меня от тебя, – передал Том матери, направляясь в постель Лил. – Ты дурно на меня влияешь!

– Поздно вато, – прокомментировала Роз.

Том провел две недели в университетском городке. По вечерам он прогуливался до поросшего кустарником песчаного пустыря, над которым, высматривая добычу, кружились ястребы. Он подружился с Молли, приемницей Роз, со сводной восьмилетней сестрой и новым младенцем.

В доме было шумно, все вертелось вокруг детей, но Том сказал Иену, что отдохнул.

– Рада была наконец с тобой познакомиться, – попрощалась с ним Молли.

– Теперь надолго не пропадай, – добавил Гарольд.

И Том не пропал. Он принял предложение режиссировать постановку «Вестсайдской истории»⁴ в университетском театре и жить в это время решил у отца.

Как и раньше, вокруг вились девушки.

– Отец считает, что тебе пора жениться, – сказала Молли.

– Правда? – переспросил Том. – Женюсь, когда время придет.

Тогда ему было под тридцать. У его бывших одноклассников, у сверстников, уже были жены или «вторые половинки».

Ему нравилась одна девушка – своей непохожестью на Лил и Роз. Миниатюрная краснощекая брюнетка, довольно симпатичная, она флиртовала с ним как-то так, походя, без претензий. Тут, вдалеке от дома, от матери, от Лил, он осознал, какое множество требований привязывает его к ним. Матерью он восхищался, хотя она его и раздражала, и любил Лил. И не мог представить себя в постели с другой. Но он был к ним привязан, да, они его к себе привязали, да и Иена тоже, который был ему как брат (а может, и брат). Там – как он называл свой родной город – дома, море было частью жизни, и, когда в кустах ветер шелестел, ему сразу мерещился плеск волн...

«Там я не свободен».

А здесь – свободен. Он согласился принять участие еще в одной постановке. То есть еще на три месяца «здесь». К этому времени для всех они с Мэри Ллойд стали «единым целым». Том относился к этой характеристике спокойно. Однако ни подтверждал, ни опровергал их связь, лишь смеялся. Но именно Мэри ходила с ним в кино и к отцу на званые ужины.

– Могло быть и хуже, – сказал сыну Гарольд.

– Да ничего и нет, мне кажется, – ответил Том.

– Да? Не думаю, что она так же на это смотрит.

Через некоторое время Гарольд обратился к сыну:

– Мэри интересовалась твоей ориентацией.

---

⁴ Культовый американский мюзикл 1957 года, сценарий к которому написал Артур Лорентс, музыку – Леонард Бернстайн, слова песен – Стивен Сондхайм, а хореографию поставил Джером Роббинс. Мюзикл является адаптацией классической пьесы Уильяма Шекспира «Ромео и Джульетта».

– Гей ли я? Насколько мне известно, нет.

Дело происходило за завтраком, все сидели за столом, сводная сестра Тома наблюдала за происходящим, как все маленькие девочки, младшенькая тоже лепетала что-то интересное, сидя в высоком детском стуле. Прелестная сцена. У Тома щемило сердце – от мыслей о будущем, о себе. Его отец мечтал об обычной семейной жизни – и его мечта сбылась.

– Тогда в чем же дело? – настаивал Гарольд. – У тебя дома есть девушка, в этом?

– Можно так сказать, – ответил Том, спокойно накладывая себе еду.

– Тогда тебе надо бы отпустить Мэри, – сказал Гарольд.

– Да, – согласилась Молли из солидарности с женщинами. – Так нечестно.

– Я и не думал, что держу ее на привязи.

– Том, – сказал отец.

– *Перестань*, – добавила его жена.

Том промолчал.

Потом он оказался с Мэри в постели. Раньше он спал только с Лил, больше ни с кем. Молодое свежее упругое тело оказалось восхитительным, ему очень понравилось, а еще – ему доставило тихое удовольствие ее признание: «Я думала, ты голубой, правда». Очевидно, для нее это был приятный сюрприз.

Так оно и пошло.

Мэри часто оставалась с Томом на ночь в доме Гарольда и Молли, все было очень семейному и уютно. Если о свадьбе не заговаривали, то только из чувства такта. Хотя имелась и еще одна причина, более туманная. Однажды в постели Мэри увидела следы укуса у Тома на голени и воскликнула: «О боже! Кто это сделал? Собака?» Подумав, он ответил: «Нет, это засос». – «Черт, кто...» Мэри игриво попробовала примериться, но Том отдернул ногу, а потом отодвинулся сам. «Не надо», – сказал он. А потом добавил таким тоном, которого она от него раньше не слышала: «Не смей больше никогда этого делать».

Мэри изумленно посмотрела на него и заплакала. Он молча встал с кровати и ушел в ванную. Вернулся Том уже одетым и даже не посмотрел на нее.

Было в этом что-то... нехорошее... куда ей не следовало соваться. Мэри поняла. Ее так шокировало это событие, что она чуть не порвала с Томом, прямо там же, в тот самый момент.

А Том подумал, что можно и вернуться домой. «Здесь» ему нравилась свобода, а теперь это восхитительное состояние испарилось.

Город стал для него тюрьмой. Он был небольшой, но дело не в этом. Тому нравилось само место, расползающиеся от университета и делового центра пригороды с одноэтажными летними домами, а вокруг – поросшая кустарником и колючками пустыня. После репетиции в университетском театре он мог за десять минут дойти до зарослей остро пахнущих колючих кустов, на грубом желтом песке под ногами поблескивали бледные опавшие колючки, предупреждая: осторожно, не наступи, мы пробьем даже самую толстую подошву! По ночам, после выступления или репетиции, он выходил прямо в ночь и слушал стрекот сверчков, а над головой простиралось чистейшее небо, сверкающее блеском цветных огней. Иногда, когда он возвращался в отцовский дом, его ждала Мэри:

– Где ты был? – спросила она однажды.

– Гулял.

– А мне почему не сказал? Я тоже люблю гулять.

– Я в какой-то мере волк-одиночка, – ответил Том. – Кот, гуляющий сам по себе.

Извини, если это не для тебя.

– Ладно, – отозвалась Мэри, – не сердись.

– Я думаю, тебе лучше заранее представлять, во что ты впутываешься.

Услышав это, Гарольд с Молли переглянулись: это значит, он готов? Мэри тоже в этих словах слышалось обещание.

– К счастью, я люблю кошек.

Но он ее пугал, и, втайне от всех, она плакала.

У Тома тоже было беспокойно на душе. Он стал очень несчастным, но не заметил этого. Просто это случилось с ним впервые, и он не смог распознать эту муку. Некоторые люди отличаются просто невиданным здоровьем, они никогда не болеют, но если вдруг им случается захворать, им становится настолько плохо, стыдно и страшно, что они могут даже умереть. Том был точно таким же в области эмоций.

– Что это? Что со мной? – стонал он, просыпаясь с тяжестью на сердце. – Я хочу пролежать весь день в кровати, укрывшись одеялом с головой.

Но из-за чего? С ним же все было в порядке.

Онажды вечером, когда он стоял под звездным небом, ему стало настолько грустно, что захотелось выть на луну, и тогда Том признался сам себе: «Боже, как я несчастен. Да, вот в чем дело!»

Он сказал Мэри, что ему плохо. Она попыталась позаботиться о нем, но Том велел ей оставить его в покое.

На периферии дороги рано или поздно превращаются в тропы и бегут по пустыне туда, куда ходят гулять студенты, где они устраивают пикники. Между протоптанными дорожками есть и почти невидимые тропки, петляющие между душистыми кустами, которые в дневное время просто усыпаны бабочками, а ночью волнами излучают этот аромат, привлекающий летучих мышей. Том ступил на асфальтированную дорогу, свернул на пыльную дорожку, потом сошел и с нее – на узкую тропку, которая вела на небольшой холм с камнями: один был большой и плоский и долго хранил тепло дневного солнца. Том улегся на этом горячем камне, и страдание заполнило его.

– Лил, – шептал он. – Лил.

Том наконец понял, что скучает по ней, вот в чем проблема. Почему это его так удивило? Где-то в глубине души он все это время думал, что когда-нибудь найдет себе ровесницу, и тогда... но эта мысль казалась такой... неопределенной. А Лил в его жизни была всегда. Он лег лицом на камень, понюхал его – легкий металлический запах, горячая пыль, аромат крошечных растений, поселившихся в трещинах. Он думал о теле Лил, которое всегда пахло солью и морем. Она словно была морским жителем, так часто она в нем купалась, бывает, только обсохнет – и снова в воду. Том укусил себя за руку, осознав, что первым его воспоминанием было, как он слизывает соль с ее плеч. Они тогда играли, маленький мальчик и давняя подруга его матери. С самого рождения каждый сантиметр его тела привыкал к сильным рукам Лил, и Том тоже знал ее тело, как собственное. Перед его внутренним взором снова предстали груди Лил, едва прикрытые бикини, между ними – несколько блестящих песчинок, как и на плечах.

– Я лизал ее ради соли, – пробормотал он. – Как животные лижут солонцы.

Вернулся Том очень поздно, в доме было уже темно, но он не лег спать, а сел писать письмо Лил. Раньше он совершенно не имел к этому склонности. Поняв, что почерк у него совершенно неразборчивый, он вспомнил, что под кроватью стоит старая печатная машинка. Том достал ее и начал писать, поставив ее на полотенце, чтобы хоть немного приглушить звук. Но Молли все равно проснулась, постучалась к нему и спросила: «Не можешь уснуть?» Том извинился и прекратил.

Утром он дописал письмо, отправил и написал еще одно. Увидев, кому оно адресовано, отец спросил:

– Значит, ты не матери пишешь?

– Как видишь, нет, – Том решил, что у семейной жизни есть свои недостатки.

После этого он стал писать Лил в университете и отправлял письма сам.

Когда Молли поинтересовалась, в чем дело, он сказал, что не особо хорошо себя чувствует, и она порекомендовала обратиться к врачу.

Когда Мэри спросила, в чем дело, Том сказал, что все хорошо.

Но все же он «туда» не возвращался; оставался «здесь», то есть с Мэри.

Том каждый день писал Лил, отвечал на письма, точнее сказать, записки, которые иногда писала ему она; звонил матери, как можно чаще гулял по пустыне, уверял себя, что это пройдет. Что не стоит беспокоиться. Но сердце его превратилось в комок холодного одиночества...

Спал он ужасно.

– Слушай, – сказала Мэри, – если хочешь все отменить, скажи.

Он замял разговор:

– *Что* отменить? – и добавил: – Просто дай мне время.

А потом, совершенно импульсивно, или, может, потому, что ему вскоре предстояло принять решение по еще одному предложению, он заявил отцу:

– Я уезжаю.

– А Мэри? – поинтересовалась Молли.

Том не ответил.

Вернувшись домой, уже через час он оказался в постели Лил. Но теперь уже было не как тогда. Теперь он мог сравнивать, и он сравнивал. Дело не в том, что Лил *старая* – она сохранила свою красоту, так что он все бормотал и шептал: «Какая ты красивая», но все же кто-то другой уже имел на него право – Мэри. Он был даже не лично ее. Мэри или какая-то другая женщина – есть ли разница? Вскоре ему придется... он должен... все ждут от него этого.

Тем временем казалось, что у Иена с Роз все идет хорошо.

То есть – с его, Тома, матерью. Иен вроде бы не страдал – наоборот.

А потом приехала Мэри, все как раз собирались на море. Для нее нашли ласты, очки и доску для серфинга. Уже через полчаса после приезда она была готова отправиться с двумя молодыми людьми за пределы тихой гавани, в опасное бушующее море. Они собрались плыть на небольшой моторной лодке. Итак, эта хорошенькая девушка, блестящая и гладкая, как рыбешка, веселилась и играла с Томом и Иеном, а две взрослые женщины сидели на стульях, наблюдая за молодежью из-под темных очков, пока за ними не пришла лодка.

– Она приехала за Томом, – сообщила его мать.

– Да, знаю, – ответила его любовница.

– Она вполне ничего, – сказала Роз.

Лил промолчала.

Роз добавила:

– Лил, нам пришло время откланяться.

Лил промолчала.

– Лил? – Роз уставилась на нее, подняв очки, чтобы лучше видеть.

– Кажется, я этого не перенесу, – сказала Лил.

– Надо.

– У Иена нет девушки.

– Нет, но должна быть. Лил, им уже по тридцать скоро.

– Знаю.

Вдалеке, на выступающих четких черных камнях, обдаваемых белой пеной волн, показались три фигурки, которые помахали им, а потом убежали на большой пляж, скрывшись из виду.

– Нам надо держаться друг за друга – и покончить с этим.

Лил тихо плакала. Потом заплакала и Роз.

– Лил, это необходимо.

– Знаю.

– Пойдем купаться.

Женщины плыли быстро и энергично, туда, обратно, еще раз, потом вышли на берег и сразу же отправились домой к Роз – готовить обед. Было воскресенье. Им предстоял длинный трудный день.

Лил сказала, что ей нужно на работу, и направилась в один из своих магазинов.

Роз подавала обед, извинившись за отсутствующую Лил, а потом и сама ушла под каким-то предлогом. Иен сказал, что пойдет с ней. Так что Том с Мэри остались одни и начали выяснять отношения. «Да или нет? – говорила Мэри. – Со мной или нет?» – «Тебе пора повзрослеть». Ну и всякое такое, как и подобает ситуации.

Когда остальные вернулись, Мэри объявила, что они с Томом решили пожениться, все принялись поздравлять их, вечер выдался шумный. Роз много пела, Том последовал ее примеру, наконец подпевать начали все. Когда пришло время ложиться спать, Мэри осталась с Томом, у него дома, а Иен с Лил пошли к себе.

Потом Мэри вернулась домой и стала планировать свадьбу.

Так что – да, пришло время.

Обе женщины сообщили мужчинам, что на этом – конец.

– Все кончено, – сказала Роз.

– Что это значит? Почему? Я-то не женюсь! – кричал Иен.

Том сидел молча, стиснув зубы, и пил. Он наливал вино в бокал, осушал его, снова наливал, снова пил и молчал.

Наконец он обратился к Иену:

– Они правы, ты что, не понимаешь?

– Нет! – закричал Иен.

Он пошел в спальню Роз, позвав и ее, а Том пошел к Лил. Иен плакал и умолял: «Почему, зачем? Мы же совершенно счастливы. Почему ты хочешь все испортить?» Но Роз не сдавалась. Она была безжалостна и решительна, и, лишь оставшись наедине с Лил, когда мужчины пошли обсудить все вдвоем, они тоже расплакались и признались, что не в состоянии это вынести. Они жаловались друг другу на разбитые сердца, что они не знают, как жить дальше, на страх, что это будет слишком нестерпимо...

Вернувшись, мужчины застали женщин в слезах, но решение их было непоколебимо.

Лил сказала Тому, чтобы сегодня он к ней не приходил, Роз велела Иену уходить к себе вместе с Лил.

– Ты все испортила, – сказал Иен Роз. – Ты во всем виновата. Почему нельзя было оставить все как есть?

Роз отшутилась:

– Не грусти. Мы будем уважаемыми дамами: да, ваши порочные матери решили стать столпами добродетели. Мы станем идеальными свекровями, а потом – чудесными бабушками вашим внукам.

– Я тебя не прощу, – сказал Иен Роз.

А Том прошептал Лил так, чтобы услышала только она:

– Я тебя никогда не забуду.

Это было прощание, почти традиционное. Это означало – наверняка? – что сердце Тома вряд ли разбито навеки.

Свадьба, нечего говорить, была шикарная. Мэри постаралась сделать все, чтобы свекровь, умеющая произвести впечатление, в этот день ее не перещеголяла, но Роз повела себя до крайности тактично и оделась весьма сдержанно. Лил была элегантна и бледна, она улы-

балась, и, как только счастливые молодые уехали в свадебное путешествие, она пошла искупаться в заливе. Роз, как ответственная хозяйка, не могла оставить гостей и отправиться с ней. Через некоторое время она отправилась в дом через дорогу, проверить, как там Лил, но дверь в ее спальню была заперта и на стук и крики Роз она не отвечала. Иен в роли шафера произнес приятную и веселую речь, а когда Роз возвращалась от Лил и они встретились на улице, он спросил: «Ну что, довольна?» – и тоже побежал к морю.

Оставшись в опустевшем доме, Роз легла в кровать и наконец позволила себе разрыдаться. Когда в дверь постучали, она поняла, что это Иен, и скрючилась от боли, и укусила собственный кулак...

Как только медовый месяц подошел к концу, Мэри сказала Тому, а он передал матери, что, по ее мнению, Роз следует переехать, оставив дом им. Это было разумно. Дом большой – для семьи. Проблема заключалась в финансах. Давным-давно его можно было потянуть, поскольку район этот никого тогда не интересовал, теперь же место стало популярным, и только богачи могли позволить себе здесь поселиться. Но Роз в безрассудном порыве щедрости отдала дом молодым – как свадебный подарок. Так где же теперь жить ей самой? Второй такой она купить не могла. Поэтому она поселилась в небольшом отельчике на побережье, а это означало, что впервые в жизни она перестала быть соседкой Лил. Поначалу она не могла понять, почему ей так тяжело и печально, почему она чувствует себя столь обездоленной. Роз думала, что это из-за Иена, но потом поняла, что на самом деле не меньше скучает и по Лил. Ей казалось, что она потеряла все, буквально за считанные дни. Но по природе своей она не была склонна к рефлексии: ее, как и Тома, всегда удивляли собственные эмоции – когда жизнь вынуждала ее их заметить. Чтобы как-то справиться с ощущением пустоты и потери, Роз приняла предложение преподавать театральное искусство в университете. Она работала на полную ставку, очень усердно, дважды в день ходила плавать, а вечером принимала снотворное.

Мэри вскоре забеременела. В адрес Иена стали отпускать традиционные шутки, в том числе и Сол: «Ты что же, позволишь приятелю тебя обойти? У тебя когда свадьба?»

Иен тоже много работал. Чтобы не оставалось времени на размышления. Он знал, что такое рефлексия и самоанализ, но эти мысли были для него врагами, желавшими подкосить его. Он запланировал открыть очередной магазин в городе, где жил Гарольд. Отец Тома и его жена тогда ждали очередного ребенка. Иен остановился не у них, а в отеле, но, естественно, ходил в гости, поскольку Гарольд был ему как отец – ну, так он говорил. Там он пересекался с подругой Мэри, которая обратила на него внимание еще на свадьбе. Ханна. Она ему не то чтобы не нравилась, наоборот: ему с ней было приятно и уютно, в ней ему виделась материнская фигура, но сейчас он находился в некоей пустоте с отзвуками эха и совершенно не мог себе представить, что можно заниматься любовью с кем-то, кроме Роз. Каждое утро он купался на «их» пляже, иногда встречался там с ней, здоровался, но тут же отворачивался, словно ему больно было ее видеть – ему действительно было больно. И он все чаще стал ходить на маленькой моторке на пляж серфингистов. Раньше они с Томом бывали там только вместе, но теперь у него появилась Мэри и ребенок.

Однажды, когда Роз вытиралась после купания, к ней подплыл лодочник, он искал именно ее. Он заглушил мотор, оставив лодку покачиваться на мягких волнах, спрыгнул в воду и потащил ее за собой, как собаку на поводке:

– Миссис Стразерс, Иен там опасные вещи вытворяет. Наблюдать за этим, конечно, интересно, но меня это пугает. Если увидите его мать, или, может, сами...

– Да бросьте! Если мужчину, вроде Иена, мать попросит вести себя поосторожнее, она только время потеряет. А я – тем более.

– Но кто-то должен с ним поговорить! Он явно нарывается. Там такие волны – к ним надо с уважением!..

– А вы говорили?

– Я пытался, как мог.

– Спасибо, – сказала Роз. – Я передам его матери.

Она поговорила с Лил, которая объяснила сыну, что тот ходит по лезвию бритвы. Уж если старый лодочник волнуется, значит, дело серьезное. Иен сказал: «Спасибо».

Однажды на закате лодочник приплыл снова, – за Роз или кем-нибудь еще, – но на пляже никого не было, ему пришлось зайти в дом, где оказалась только Мэри, и он сообщил ей, что Иен лежит без чувств на другом пляже, за пределами бухты.

Его отвезли в больницу. Доктор сказал: «Выживешь», но по лицу Иена стало ясно, что он ждал другого прогноза. Иен повредил позвоночник. Но он, наверное, срастется. С ногой дела обстояли хуже, она, возможно, уже никогда не восстановится полностью.

Выписавшись, Иен лежал в постели дома, в той самой комнате, в которой в течение долгих последних лет он лишь переодевался, прежде чем отправиться через дорогу – к Роз. Но теперь в том доме жили Том с Мэри. Он отвернулся к стене. Мать пыталась уговорить его встать, но заставить его заниматься у нее не получилось. У Лил тоже не вышло. Это смогла сделать Ханна. Она приехала навестить подружку, Мэри. Спала она у них, а днем почти все время проводила с Иеном, держала за руку, зачастую из сострадания плакала.

– Для спортсмена, наверное, это очень тяжело, – говорила она Лил, Мэри, Тому. – Понимаю, почему он в таком унынии.

Это было хорошее слово, точное. Она уговорила Иена повернуться к ней лицом, а потом, довольно скоро, вставать и передвигаться по комнате, как рекомендовал врач. Затем он начал выходить и на веранду, а вскоре – и через дорогу, и на пляж – поплавать. Но серфингом Иен заниматься уже не мог. Он навсегда остался хромым.

Ханна целовала его больную ногу, целовала его самого, Иен плакал вместе с ней: своими слезами она давала ему разрешение на это. Вскоре сыграли еще одну свадьбу, даже еще шикарнее прежней, ведь Иена и его мать Лилиан знали многие, их спортивные магазины играли значительную роль в жизни тех городов, где они находились, и их обоих ценили за добрые дела и благожелательность.

И вот молодая семья, Иен и Ханна, поселились в доме Лил. В доме напротив, который раньше принадлежал Роз, жили Том и Мэри. Лил не нравилась роль свекрови, ей было тяжело смотреть через дорогу, там теперь все так изменилось. Но она, в отличие от подружки, была богата. И купила дом буквально на пляже, не дальше пары сотен метров от обеих пар. Роз переехала к ней. Так женщины воссоединились, и когда они однажды встретились с Солом Батлером, он отпустил в их адрес комментарий, полный особого ехидства:

– Вот вы и снова вместе, как я вижу!

– Как видишь, – ответила Роз или Лил. – Тебя, Сол, нам не одурачить, да? – добавила Лил или Роз.

Потом забеременела Ханна – Иен, как и полагалось, был горд.

– Вот, все хорошо сложилось, – сказала Роз Лил.

– Да, пожалуй, – согласилась та.

– Чего еще мы могли ждать от судьбы?

Они сидели на пляже, на своих старых стульях, передвинув их к другому забору.

– Я ничего и не ждала, – сказала Лил.

– Но?

– Я не предполагала, что буду так себя чувствовать. Мне...

– Ладно, – поспешно перебила Роз, – забудь. Я знаю. Посмотри на это иначе: у нас было...

– ...самое лучшее, – продолжила Лил.

– Теперь мне кажется, что все это был лишь сон. Роз, я просто не могу поверить, что на нашу долю выпало такое счастье, – прошептала она, слегка повернув и склонив голову, хотя в радиусе пятидесяти метров не было ни души.

– Знаю, – согласилась Роз. – Но все кончилось.

Она откинулась на спинку и закрыла глаза. Из-под очков выкатилась слеза.

Иен довольно часто ездил с матерью в командировки по делам магазинов. Везде его встречали тепло, щедро, с уважением. Все знали, почему он теперь хромает. Его считали безрассудным храбрецом, как тех, кто восходит на Эверест, смелым, как... ну, этот человек лез на волну, как в гору, и при этом он был таким симпатичным, таким обходительным, воспитанным и добрым. Как мать.

Однажды в отеле, перед сном, Лил сообщила, что по возвращении собирается взять к себе на день маленькую Элис, чтобы Мэри могла походить по магазинам.

– Вот вы, бабы, довольны собой, – огрызнулся Иен.

Это прозвучало язвительно, совсем не в его духе; она – как ей показалась – раньше таких интонаций в его голосе не слышала.

– Да, – добавил он, – вам-то хорошо.

– Иен, ты о чем?

– Я тебя не виню. Я знаю, что это все Роз.

– О чем ты говоришь? Мы с ней вместе решили.

– Роз внушила тебе эту идею! Я знаю. Тебе бы это в голову никогда не пришло. Так ранить Тома! Да и меня...

Тут Лил начала смеяться, это был жалкий смех, защитный. Сколько лет они были с Томом вместе, на ее глазах он превратился из пленительного мальчишки в мужчину, она видела, как годы брали над ним свое, зная при этом, чем все должно закончиться, должно закончиться, надо положить этому конец, она должна это сделать... с Роз... но это было так трудно, так трудно...

– Иен, ты понимаешь, что похож на сумасшедшего?

– Почему? Нет, не понимаю.

– Ты что думал? Что все это будет продолжаться бесконечно, вы с Томом, два немолдых холостяка, и мы с Роз, уже старые, а потом и вы будете старыми, бессемейными, а мы с Роз – старухи, совсем старухи... мы уже стареем, ты не видишь?

– Нет, не стареете, – ответил спокойно сын. – Отнюдь. Вы девушек и сейчас легко обыграете.

Он говорил о Ханне с Мэри? Если так... эта вспышка полного безумия напугала ее, Лил встала:

– Пойду спать.

– Это Роз тебе в голову вбила! Я не простил тебе то, что ты с ней согласилась. И она зря думает, что я прощу ее. Она все испортила. Мы все были так счастливы!..

– Спокойной ночи. За завтраком увидимся.

Ханна родила девочку, Ширли, и молодые женщины стали проводить много времени вместе. Старшие женщины и мужчины ждали повторных беременностей: это было бы естественным логическим продолжением. Но, к их удивлению, Мэри с Ханной объявили, что планируют на пару заняться бизнесом. Им сразу же предложили работу в спортивных магазинах: график гибкий, можно распоряжаться собственным временем и немного подзаработать... И, следовательно, будет удобно планировать второго ребенка.

Они отказались, объявив, что хотят открыть новый бизнес – вдвоем, свой собственный.

– Мы, наверное, можем помочь с деньгами, – предложил Иен, но Ханна отказалась.

– Нет, спасибо, мы обратимся к отцу Мэри. Он богатый. – Когда говорила Ханна, зачастую складывалось ощущение, что она высказывает мысли Мэри. – Мы не хотим зависеть, –

добавила она, как будто извиняясь: ей самой в ее словах почудилась неблагодарность, и это еще мягко говоря...

Жены отправились на выходные домой, взяв с собой и детей – похвастаться.

Лил и Роз, Иен и Том вчетвером сидели за столом в доме Роз – в ее бывшем доме, – и волны плескались так, словно ничего не изменилось, ничего... за исключением того, что теперь всюду валялись вещи Элис, как это сейчас бывает в современных домах.

– Странное у них какое-то желание, – сказала Роз. – Нам ясно, откуда это? И к чему?

– Им... им с нами слишком тяжело, – ответила Лил.

– Мы. Они, – произнес Том. – Они. Мы.

Все повернулись к нему, пытаясь понять, что он хочет сказать.

Потом Роз взорвалась:

– Мы старались! Из всех сил! Мы с Лил сделали все, что могли.

– Знаю, – сказал Том. – Мы знаем.

– Но все равно: вот они мы, – ответил Иен. – *Мы*.

Он подался к Роз, со страстью, с пылкостью – совершенно перестав походить на ути-вого и любезного человека, которого знали люди.

– Но ничего не изменилось. Да, Роз? Скажи мне правду наконец, скажи, изменилось ли что-то?!

Глаза ее, полные слез, встретились с его глазами, она встала и, в попытке спастись, пошла к холодильнику за холодными напитками.

Лил спокойно посмотрела прямо на Тома, но обратилась к подруге:

– Роз, это бесполезно. Просто *не, не...*

Роз тихо плакала, не скрывая ни от кого свои слезы, ее темные очки лежали на столе. Потом она надела их и повернулась этими черными кружками к Иену.

– Я не понимаю, чего ты хочешь. Почему ты никак не уймешься? Все решено. Все кончено.

– Значит, ты не понимаешь, – сказал Иен.

– Прекрати, – тоже заплакала Лил. – Зачем все это? Надо лишь решить, что им сказать, им нужна поддержка...

– *Мы* скажем *им*, что *мы их* поддержим, – ответил Иен и добавил: – Я иду купаться.

И все четверо побежали в море, Иен хромал, но уже не очень сильно.

Интересно, что в дискуссии не был поднят один важный вопрос. Если две молодых жены займутся бизнесом – бабушкам придется начать участвовать в их семейной жизни...

Именно на эту тему состоялся разговор – но уже между всеми шестерыми.

– Работающие бабушки, – сказала Роз. – Мне нравится, а тебе, Лил?

– Работающие – ключевое слово, – подчеркнула Лил. – Я свои магазины не оставляю. И как в график встроить детей?

– Легко, – ответила Роз. – Будем сидеть с ними по очереди. У меня в университете длинные каникулы. А тебе в магазинах Иен помогает. И выходные. Ну и, осмелюсь предположить, девушки и сами захотят проводить какое-то время со своими ангелочками.

– Ты намекаешь на то, что мы собрались их бросить? – спросила Мэри.

– Нет, дорогая, нет, конечно. К тому же, ведь и нам помогали с нашими сокровищами, да, Лил?

– Кажется, да. Хотя – не особо...

– Ну ладно, – сказала Мэри. – Думаю, мы можем взять о-пэр⁵, если уж так ситуация поворачивается.

---

⁵ Au pair – обоюдный (*фр.*). Так называют молодых людей, которые живут за границей в гостевой семье и выполняют некоторую работу по дому (чаще всего связанную с заботой о детях).

– Какая ты вспыльчивая, – ответила Роз. – Естественно, мы и сами сможем взять о-пэр, если понадобится. А пока бабули – к вашим услугам.

Потом подошло время для события ритуального значения: день, когда младенцев познакомил с морем.

На пляж вышли все шестеро взрослых. Разложили одеяла. Бабушки, Роз и Лил, в бикини держали девочек у себя между ног, намазывая их солнцезащитным кремом. Крошечные нежные существа со светлыми волосиками, светлой кожей, а вокруг них – целая куча взрослых, больших защитников.

Мамочки отнесли девочек в море, Том с Лил пошли им помогать. Малышки плескались, крича от страха и восторга, взрослые их подбадривали – сцена вышла довольно шумная. А на одеялах, на которых ветром уже намело блестящие островки песка, сидели Роз с Иеном. Он окинул Роз долгим и пристальным взглядом.

– Сними очки. – Роз сняла. – Мне не нравится, когда ты прячешь от меня глаза.

Она резко надела их обратно:

– Иен, прекрати. Прекрати. Это просто *неуместно*.

Он потянулся к ней, чтобы снять очки. Она шлепнула его по руке. Лил, стоявшая в воде по пояс, увидела это. Чувственность, даже ярость их взаимоотношений... Ханна заметила? А Мэри?

Закричала девочка – Элис. Набежала большая волна, и... «Оно меня укусило, – завизжала она. – Море кусается». Иен подскочил, схватил Ширли, которая тоже заволновалась. «Ты что, не видишь? – завопил он на Ханну, перекрикивая шум моря. – Ты ее пугаешь! Им страшно». С малышками на обоих плечах он вышел из воды, хромая. Он начал легонько подбрасывать девочек, словно в танце, но из-за больной ноги он приседал на каждом шагу, и девочки расплакались лишь сильнее. «Бабуля», – выла Элис. «Хочу к бабушке», – плакала Ширли. Детей усадили на ковер, Лил присоединилась к Роз, и обе бабушки принялись утешать и ласкать детишек, а остальные пошли купаться вчетвером.

– Ну, моя уточка, – напевала Роз Элис.

– Маленькая моя кисонька, – щебетала Лил Ширли...

Вскоре две молодые женщины заняли свой новый офис, призванный стать ареной их будущего триумфа – в чем они совершенно не сомневались. «Мы устраиваем небольшой праздник», – сказали они, делая вид, будто соберутся партнеры, спонсоры, друзья. Но на самом деле они были одни, выпили шампанского и слегка запьянели.

Закончился первый год их работы. Дел было много, больше, чем они предполагали. Зато они шли так хорошо, что уже начинались разговоры о расширении. То есть им придется отдавать бизнесу еще больше времени, а бабушкам – посвящать больше времени детям.

– Они не будут против, – уверяла Ханна.

– А мне кажется, будут, – ответила Мэри.

Что-то в ее голосе заставило Ханну посмотреть на нее, она попыталась понять, что имела в виду подруга.

– Вопрос не в том, что мы будем вкалывать, и не в том, что им придется вкалывать, они хотят, они ждут, что мы снова забеременеем.

– Это да, – согласилась Мэри.

– Я была бы не против, – ответила Ханна. – Мы с Иеном разговаривали об этом, но спешить нет необходимости. Можно сначала встать на ноги, а потом посмотрим... Но ты права, *они* хотят именно этого!

– Они, – сказала Мэри, – *они* хотят. И *они* намерены это получить.

Ханна забеспокоилась. По натуре она была человеком покорным и уже начала полагаться на Мэри, весьма сильную личность, но сейчас отстаивала свою позицию:

– Я думаю, что они очень добрые.

– Они, – сказала Мэри, – да кто *они* такие, чтобы проявлять к *нам* доброту?

– Ну хватит! Мы не смогли бы заняться бизнесом, если бы бабушки не помогали нам во всем.

– Роз, черт ее возьми, все время так тактична, – прорвало Мэри, не без помощи шампанского. Она подлила себе еще.

– Да обе они очень тактичные.

– Больше тебе и пожаловаться не на что.

– У меня такое ощущение, что они все время наблюдают за нами, проверяя: соответствуем ли мы их стандартам?

– Каким стандартам?

– Не знаю. – Мэри уже была готова расплакаться. – Если бы я только знала. *Там* что-то нечисто.

– Они просто не хотят показаться слишком уж навязчивыми свекровьями.

– Иногда я их просто ненавижу.

– Так уж и *ненавидишь*, – пренебрежительно повторила Ханна с улыбкой.

– Ты что, не понимаешь, что наши мужья принадлежат им?! Порой мне кажется...

– Все потому, что они росли без отцов – мальчишки. У Иена отец умер, а у Тома – ушел и женился на другой. Поэтому все четверо так близки друг другу.

– Да мне плевать, почему так. Я иногда чувствую себя просто какой-то запасной деталью.

– Мне кажется, ты несправедлива.

– Тому вообще было все равно, на ком жениться. Мог бы взять себе в жены и чайку или... или... вомбата.

Ханна со смехом откинулась на спинку кресла.

– Я серьезно! Черт, и он всегда такой добренький. Такой милый. Я на него ору, задираю, я на все что угодно иду – чтобы он меня разглядел. После чего мы оказываемся в кровати и трахаемся.

Но Ханне эти чувства не были знакомы. Она знала, что нужна Иену. Дело не в том, что он частично зависел от нее из-за своей ноги, нет: иногда он просто льнул к ней, как ребенок. Да, в нем было что-то детское – немножечко. Однажды ночью он позвал во сне Роз, и Ханна его разбудила.

– Тебе Роз снилась, – сказала она.

Он сразу же пришел в себя:

– Ничего удивительного. Я всю жизнь прожил с ней рядом. Она мне – как мать, – и уткнулся лицом ей в грудь. – Ох, Ханна, я не знаю, что бы я без тебя делал.

Теперь, когда и Ханна была против нее, Мэри почувствовала себя еще более одинокой. Когда-то она думала, что «вот Ханна, хотя бы у меня есть Ханна...».

Обдумывая этот разговор впоследствии, Мэри все думала, что чего-то не замечает. Она всегда это ощущала. Но с другой стороны: на что ей жаловаться? Ханна права. О таких мужьях, как у них, мечтают многие, они и известны, и устроены в жизни, и богаты, и всеми любимы – так *что* же ее не устраивает? «У меня есть все», – решила она. Но потом какой-то голос из глубины: «У меня ничего нет». Ей постоянно чего-то не хватало. «У меня ничего нет», – сказала она сама себе, когда на нее нахлынула волна пустоты. В самой сокровенной сердцевине ее жизни – ничего.

Но она не могла определить конкретно: что же не так, чего не хватает. Значит, наверное, что-то не так с ней самой. Это она, Мэри, неправильная. Но почему? В чем проблема? И она все думала об этом и думала...

Иногда ей становилось так плохо, что хотелось оставить эту жизнь навсегда.

Когда Мэри нашла пачку с письмами, забытую среди вещей, которые они привезли с собой, сначала она подумала, что все они от Лил к Тому, – обычные письма, которые могла бы писать старая подруга или даже вторая мать. Начинались они все со слов: «Дорогой Том» и заканчивались «С любовью, Лил», иногда стоял крестик или два, обозначая поцелуй. А потом еще одно письмо – от Тома к Лил, неотправленное. «Почему я не должен писать тебе, Лил, почему, мне это просто необходимо, я постоянно думаю о тебе, боже, Лил, как я тебя люблю, ты мне снишься, мне непереносима наша разлука, я люблю тебя, люблю...» – и так далее, на несколько страниц. Мэри снова перечитала письма Лил, взглянув на них уже иначе.

И тут ей стало ясно все.

Она стояла с Ханной на тропинке в «Саду Бэкстера», слушала смех Роз и думала, что та над ней издевается. Она смеялась над ней, Мэри, и Ханна все наконец поняла.

Все ей стало ясно.

Глава 2. Виктория и стэйвни

На площадке моросила холодная темнота; голоса детей, разбившихся на две группы, привлекали взгляды взрослых, подходивших к большим воротам: разглядеть, где кто, стало уже сложно. Но благодаря какому-то родственному чутью детям из большей группы удалось различить своих, и по одному или по два они бросались к выходу, чтобы их забрали и отвели домой. В самом центре, окруженном высокими стенами с битым стеклом наверху, два ребенка стояли сами по себе. Они издавали много шума. Мальчик колотил по воздуху руками и ногами и кричал: «Он забыл, я говорил ей, что забудет», а девочка пыталась утешить и успокоить его. Он был крупным ребенком, она – худенькой, с торчащими в обе стороны колючими хвостиками, перевязанными розовыми ленточками, мокрыми и обвисшими. Она была старше, но меньше. Но именно благодаря этим двум годам разницы она убедительно твердила ему: «Ну же, Томас, не надо, не горлань, они придут». Но он не успокаивался. «Пусти, пусти – не хочу, он забыл!» Одновременно к воротам подошли несколько человек, среди них – высокий светловолосый мальчик лет двенадцати, который принялся всматриваться в темноту. Наконец он заметил своего брата Томаса, за ним и другие уже начали тянуть руки и делать шаги вперед. Смятение и неразбериха. Этот высокий мальчик, Эдвард, схватил Томаса за руку и стоял ждал, а младший все брыкался и ныл: «Ты про меня забыл, да, забыл», – и смотрел на брата, а остальные дети тем временем расходились. Потом он развернулся, и они с Томасом тоже скрылись из виду.

Стоял холод, а Виктория была недостаточно тепло одета. Теперь, когда больше не приходилось заниматься буйным мальчишкой, она задрожала. Девочка обхватила себя руками и тихонько заплакала. Из темноты появился школьный сторож и запер ворота. Он ее тоже не увидел. На ней были темно-коричневые брюки и черный пиджак: темное пятно в мрачном вихре – поднимался ветер.

Этот ужасный день начался с того, что ее тетю срочно забрали в больницу, а кончился тем, что она осталась одна. Виктория опустилась на колени и начала покачиваться, глаза застилала пелена слез, через какое-то время они опять распахнулись от страха одиночества, и она уставилась на огромные запертые черные ворота. Между прутьями было довольно большое расстояние. Тихонько, словно собираясь сделать что-то дурное, она подошла поближе, чтобы посмотреть, сможет ли она пролезть. Девочка была худенькая, ей часто говорили, что на ней так мало мяса, что даже кошку не накормишь. Так считала ее мать, и от мысли о том, что она умерла, Виктория начала плакать, а потом и выть. Всего несколько минут назад, рядом с маленьким Томом, она изображала из себя взрослую, но теперь начала сама себе казаться малышкой, все ее девять лет растворились в слезах...

А потом Виктория застряла между прутьев. По тротуару шли люди, много людей, но ее никто не видел, все они жались под зонтики; а оставшаяся за спиной площадка была огромной, темной и полной опасностей. Через дорогу мягко светился магазинчик-кафе мистера Пэт, где продавались газеты и сладости. Желтыми пушистыми пятнами светились фонари, и когда Виктория предприняла очередную попытку освободиться, на тротуар вышел мистер Пэтел – взять из ящика с фруктами апельсинов – и увидел девочку. Виктория бывала в его магазине каждый день, когда приходила в школу, обычно – с толпой других посетителей, но знала, что он должен быть человеком приятным, поскольку ее тетя, да и мать тоже, когда еще была жива, говорили: «Этот индус вполне нормальный».

Мистер Пэтел вскинул руки, чтобы остановить движение на улице, хотя там была-то всего одна машина и велосипед, и поспешил через дорогу к ней. Как раз когда он подбежал к девочке, она смогла наконец протиснуться между прутьями забора и упала прямо в его руки, большие и надежные, в них ей было хорошо.

– Виктория, ты ли это?

Спасенная, она отдалась своему горю и расплакалась. Он поднял ее и снова вытянул руку, на этот раз одну, – и опять притормозили машина с мотоциклом. Войдя в теплое кафе с ярким светом, мистер Пэтел посадил ее на высокий прилавок:

– Ну, милая моя, что же ты тут делаешь совсем одна?

– Не знаю, – плакала Виктория, которая действительно не знала. Во время урока ей сообщили, что ее заберут с площадки вместе с Томасом Стэйвни, с которым она едва была знакома: он был на два класса младше. Появились посетители, ожидавшие, что мистер Пэтел их обслужит. Он оглянулся в поисках кого-нибудь, кто сможет ему помочь, и увидел за столиком пару девчонок. Они учились в той же школе, в старших классах, и решили подкрепиться, прежде чем отправиться по домам. Он обратился к ним: «Присмотрите пару минут за этой бедняжкой». Мистер Пэтел осторожно усадил Викторию на стул рядом с ними. Разумеется, старшим девчонкам не понравилось, что им навязывают эту сопливаю малявку, но они все же улыбнулись Виктории и сказали, что она должна перестать плакать. Но Виктория все редела. Мистер Пэтел не знал, что делать. Продавая конфеты и булочки, открывая девочкам газировку, делая, как обычно, двадцать дел одновременно, он подумывал о том, чтобы позвонить в полицию, как вдруг через дорогу показался тот самый высокий мальчишка, утащивший своего отбивающегося брата, словно призрак, потерявший память. Он принялся неистово крутить головой, а потом, взявшись обеими руками за верхние перекладины забора, собрался уже перепрыгнуть.

– Эй, – закричал мистер Пэтел, подбегая к двери, – иди сюда. – Он орал громко, Эдвард обратил свой скорбный лик на мистера Пэтела и приветливые огни его кафе и, не глядя на дорогу, перемахнул в пару прыжков на противоположную сторону, едва не попав под мотоцикл, за что водитель осыпал его проклятьями.

– Девочка, – сказал Эдвард, задыхаясь, – я ищу маленькую девочку.

– Она тут, в целости и сохранности. – Мистер Пэтел снова встал за прилавок, наблюдая оттуда за долговязым мальчишкой, который уселся подле Виктории и принялся вытирать ее лицо салфетками, которые веером стояли в салфетнице на столе. Казалось, что он сам сейчас растворится в слезах. Две старшеклассницы, хоть он и был для них слишком юн, все же решили продемонстрировать ему свою женственность, выпятив груди и надув губки. Он ничего не заметил. Виктория все рыдала, да и он сам был охвачен каким-то крайне сильным чувством.

– Я хочу пить, – выпалила Виктория, и мистер Пэтел подал стакан апельсинового сока с мякотью, жестом давая Эдварду понять, чтобы и не пытался за него заплатить.

Эдвард протянул стакан Виктории, а она уже возмущалась – к ней, большой девочке, относятся как к младенцу, но все же она испытывала благодарность, поскольку в тот момент ей очень хотелось быть просто ребенком.

– Извини, я должен был забрать тебя вместе с братом, – сказал Эдвард.

– Ты что, меня не увидел? – обвинила его Виктория.

Эдвард покраснел, эти слова явно задели его за живое. Ведь именно в этом он жестоко упрекал сам себя. Ему велели забрать маленькую девочку, но он совсем не подумал, что ему поручили взять черного ребенка. Эдвард мог придумать тысячи оправданий: что его отвлекли другие дети, бежавшие к воротам, шум, ужасное поведение Томаса, но на самом деле он не взглянул на Викторию, потому что она была черная. Но он ее заметил. Это не имело бы значения для большинства людей, входивших в эти ворота и выходивших из них, но Эдвард, родившийся в доме либералов, испытывал агонию бурного самоотождествления со всеми бедами стран третьего мира. Он учился в куда более престижной школе, хотя давным-давно посещал и эту, и там, в рамках различных проектов, его и его одноклассников «просветили». Мальчик собирал деньги для больных СПИДом и умирающих от голода,

писал сочинения об этих и прочих несправедливостях нашего мира, его мать Джесси тоже выступала за всевозможные благие дела. Его поступку не было совершенно никакого оправдания, и его просто мутило от стыда.

– Ну, пойдешь со мной? – спросил Эдвард скромно у этого несчастного ребенка, а она молча встала и подала ему руку, чтобы он мог ее отвести.

– Бедная девочка, – сказала одна из старшеклассниц, она была явно тронута.

– Ну, не знаю. По-моему, у нее все нормально, – ответила вторая.

– Тут не очень далеко, – сказал Эдвард девочке, которая была вдвое ниже его. Говоря с ней, он наклонялся. А она тянулась к нему, уверенная, что должна вести себя как большая, и, все еще всхлипывая, заглядывала в его лицо, искаженное беспокойством за нее.

– До свидания, Виктория, – сказал мистер Пэттел строго и как бы наставительно; хотя это, скорее, было направлено на белого мальчишку, напомнившего ему какое-то насекомое, каких полно летом, с длинными ногами и усиками – комара-длинноножку.

– До завтра! – крикнул он им вслед, вдруг осознав, что об этом мальчишке ему совершенно ничего не известно, и решив дать ему понять, что за Викторией есть кому постоять. Но дети уже вышли на улицу и решительно зашагали по мокрой листве и лужам.

– Куда мы идем? Куда? – выпрашивала девочка, но голосок ее был так тих, что Эдвард не слышал, зато он постоянно наклонялся к ней и улыбался, не зная, что вид у него при этом был измученный.

Когда Виктория уже подумала, что им придется идти, пока у нее не отвалятся ноги, они зашли в ворота и направились к дому с ярко светящимися окнами – целый ряд таких домов стоял там, как обрыв.

Эдвард повернул ключ в замке, и они оказались в большом зале – Виктория приняла его за магазин: из тех, в окна которых она гладела иногда на главной улице. Ярко, светло, тепло (а ведь из-за пронизывающего ветра она уже насквозь продрогла), в огромном зеркале рядом с Эдвардом, таким же взъерошенным, отражалась она – да, она самая, Виктория, перепуганное создание с открытым ртом, вылезшими на лоб глазами, а Эдвард уже стянул с нее куртку и бросил на подлокотник красного кресла. Он пошел дальше, Виктория побежала за ним, бросив ту себя, что в зеркале. И вот они оказались в такой огромной комнате, в какой ей бывать еще не доводилось, если не считать школьного зала. Эдвард потянулся за чайником, налил в него воды из-под крана, и Виктория решила, что эта часть комнаты служит кухней. Всюду валялись игрушки. Она подумала, что тут должен жить Томас, тогда где же он?

– Где он? – прошептала она, и Эдвард, возившийся с чашками и блюдами, застыл, пытаясь понять, что она имеет в виду.

– А, Томас? Он ушел ночевать к другу, – объяснил он. – Садись. – Девочка осталась стоять, тогда он поднял ее и усадил в кресло, такое мягкое и теплое, что Виктории почудилось, будто оно ее обнимает. Она осторожно осматривалась, опасаясь, что увидит что-нибудь запредельное для ее понимания. В эту огромную комнату влезла бы вся квартира ее тети. А потом, разглядывая все вокруг с разинутым ртом, девочка повалилась и уснула: слишком уж был насыщенный день.

Эдвард, привыкший к обращению с малышами – он все еще считал Викторией совсем маленькой, ведь она была такой крошкой, – уложил ее на подушки, чтобы ей было удобнее, и принялся рыться в огромном холодильнике в поисках чего-нибудь съестного. Где его мать, он не знал, но предпочел бы, чтобы она была тут. Эдвард договорился встретиться с друзьями со школы, но вот застрял с этим ребенком, которого он так ужасающе обидел... следует упомянуть, что в его жизни уже близился пубертатный период, так что мальчик стал очень стыдлив, несчастен, имел много претензий к собственному окружению и страстно восхищался всем, чего не было в Британии, был ярым поборником справедливости, злился на мать, в которой, в какой-то степени, видел воплощение всех реакционных сил, до смерти

презирал отца, вальяжного и равнодушного к страданиям, – ведь именно об этом говорило его всегда хорошее настроение. Поэтому в итоге, лет восемь спустя, Джесси Стэйвни скажет ему, да и всем, кто в тот момент окажется поблизости: «Этот твой чертов переходный возраст, боже мой, боже мой, он мою жизнь лет на двадцать сократил».

Эдвард сел, как обычно, с таким видом, будто у него нет времени на безделье, и начал есть йогурт – с низким содержанием жира, обогащенный витамином Д, – мрачно обдумывая дилемму, которая предстала перед ним из-за Виктории. А она спала.

Во снах – Виктория страдала от кошмаров и лунатизма – ей иногда являлась мать, она улыбалась, но дотронуться до нее не получалось, она все ускользала от тянущейся руки дочери. Она умерла пять лет назад. У Виктории были дяди, а отца не было, по крайней мере, ее мать никого не признавала. Ни один «дядя» не предъявил на нее претензий и не взял на себя эту ответственность. У тети – настоящей тети, сестры матери, – своих детей не было. Она только пришла к соглашению с самой собой, что ей повезло: ведь дети – это такая обуза, как вдруг на нее свалилась четырехлетняя сирота. Она была социальным работником. Жила в муниципальной квартире – одна спальня, гостиная, кухня и душ – в муниципальном районе, в доме имени Фрэнсиса Дрейка⁶ (три других дома были названы именами Фробишера⁷, Уолтера Рэли⁸ и Нельсона⁹), дети из этих домов ходили в ту же школу, что и Виктория. Она свела всю свою жизнь до работы, которую любила, но когда племяннице пришлось переехать к ней, тетя не демонстрировала нежелания, только некоторую усталость.

Но этим утром она заболела. В машине «Скорой помощи» она вспомнила о Виктории и сказала санитару, что племянница после школы будет ждать на площадке. Он не впервые сталкивался с подобным. Мужчина позвонил в школу, что оказалось задачей нелегкой, потому что тетя Виктории постоянно теряла сознание от боли – эта болезнь заберет ее жизнь раньше пятидесяти. У оператора он выяснил номер школы, позвонил секретарю, объяснил тяжесть ситуации. Она отправилась в класс, где Виктория, маленькая умница, переписывала предложения с доски, явно не замечая стоявшего шума (другие дети не стремились быть хорошими). Учительница сказала, точнее даже, прокричала, что ничего страшного, Виктория может пойти домой с Дики Николс, предполагая, что за ней кто-нибудь придет. Секретарша ответила «хорошо» и вернулась в свой кабинет, нашла номер Николс, позвонила, но ей не ответили. Мама, значит, работает, заключила секретарша, поскольку сама жила точно так же. Она попробовала еще несколько номеров, наконец одна женщина сказала, что не сможет помочь, но посоветовала обратиться к Томасу Стиви: так она произнесла «Стэйвни». Помощница секретарши позвонила им, ей ответила Джесси Стэйвни, которая поручила своему сыну забрать вместе с Томасом еще и маленькую девочку. Помощница не предупредила, что Виктория чернокожая – да и с чего бы вдруг? В этой школе африканцев и индусов было больше, чем белых, она сама – в том числе, ее родители приехали из Уганды, когда оттуда гнали индейцев.

Подобные лихорадочные обзвоны и обсуждения были делом привычным, поскольку матери многих детей работали, так что помощница быстро забыла о проблеме: с Викторией все уладилось.

Девочка проснулась от короткого беспокойного сна в незнакомом месте, Эдвард сидел за огромным столом, а напротив него появилась высокая женщина, лицо которой обрамляли

⁶ Фрэнсис Дрейк (ок. 1540–1596) – английский мореплаватель, первый англичанин, совершивший кругосветное путешествие.

⁷ Мартин Фробишер (1535/1539–1594) – английский мореплаватель, капер, совершивший три экспедиции к берегам Северной Америки.

⁸ Уолтер Рэли (1552/1554–1618) – английский придворный, капер, фаворит королевы Елизаветы I.

⁹ Горацио Нельсон (1758–1805) – английский флотоводец, вице-адмирал.

светлые локоны, она сидела, положив руки на стол. Виктория уже видела ее на площадке, она приходила за Томасом.

Какое-то время девочка лежала тихо, опасаясь быть замеченной, но тут вдруг Эдвард, который за ней приглядывал, воскликнул: «О, Виктория, ты проснулась, иди ужинать. Это Виктория», – сказал он матери. «Здравствуй, Виктория», – приветствовала ее женщина, после чего закончила фразу, обращенную к сыну. То, что у нее на кухне спала незнакомая девочка, видимо, не заслуживало комментария. Друзья Эдварда и Томаса то и дело обрушивались на ее дом волнами дружеских или школьных приливов, она была рада всем. Общественная жизнь Томаса, которому было всего семь лет и который не мог разгуливать так же свободно, как двенадцатилетний Эдвард, требовала особенно пристального внимания, поскольку подразумевала сложную схему походов на различные увеселительные мероприятия, в планетарий, музеи, катаний на лодках, посиделок у друзей, ночевки у них дома, ужинов в гостях. Уладить все это, собрать всех детей в нужное время в нужном месте – это был настоящий организационный подвиг. Джесси была скорее рада, что девочка оказалась черной, ведь она сама постоянно жаловалась, что у Эдварда только белые друзья, а мы ведь сейчас живем в мультикультурном обществе!

Почему Томас ходил в такую плохую школу? Из идеологических соображений. Главным образом это был замысел его отца, Лайонела, старомодного социалиста. Томас в свое время непременно перейдет в хорошую школу, но сейчас надо воспользоваться случаем опуститься на самое дно. Это была формулировка Джесси, брошенная во время перебранки с бывшим мужем: «Таковы новости с самого дна!» – кричала она, сообщая о том, что он подхватил корь или когда возникли какие-то непредвиденные осложнения с оплатой счета. И хотя Джесси страшно негодовала по поводу сложившейся ситуации, она пользовалась ее преимуществами по полной, ведь это давало ей возможность дерзко смотреть своим менее принципиальным подругам в глаза со словами: «Мне так жаль, но ему надо познать, как живут другие. Лайонел настаивает на этом».

Викторию усадили на стул так, что ее подбородок лишь едва торчал над столом, но Эдвард поправил дело при помощи толстых подушечек. «Ну, Виктория, чего бы ты хотела на ужин?»

Девочка не привыкла к таким вопросам, да и на столе все было незнакомое, вид у нее сделался беспомощный, она была готова заплакать. Эдвард понял ее затруднение и попросту положил на тарелку того же, что ел сам – Джесси принесла домой что-то из тайского ресторана, вчерашние фаршированные помидоры, остатки риса с приправами. Виктория была голодна и попробовала предложенную еду, но ее живот принял только рис. Эдвард, наблюдавший за ней – как старший брат, точно так же, как он присматривал и за Томасом, – нашел для девочки какой-то кусок торта. Это ей понравилось больше, и Виктория съела все.

Джесси молча смотрела, сама к еде не притронулась, ее длинные пальцы держали чашку с чаем, от которой шел пар, чуть ниже уровня губ. Глаза у нее были большие, зеленые. «Как у ведьмы», – подумала Виктория. Ее мать много говорила о ведьмах, и хотя от тети она уже ничего подобного не слышала, именно мамин чарующе-певучий голос звучал у девочки в голове, объясняя, почему происходят неприятности. А их было так много.

– Ну, Виктория, что мы будем с тобой делать? – спросила наконец Джесси Стэйвни, хотя довольно беспечно, как будто произносила эти слова в адрес каждого ребенка, появлявшегося у них в доме, с которым надо было что-то решать.

Девочка зарыдала. Это было даже хуже ведьминских глаз. Сколько она себя помнила, даже до маминой смерти, это самое: «Что мне, что нам, что мне с тобой делать, Виктория?» звучало рефреном и днем и ночью. Она так часто мешала маме с ее дядями. Мешала и когда мать хотела выйти на работу, но не знала, что делать с ней, со своей дочерью Викторией. Ну

и она знала, что тетя Мэрион тоже не особо мечтала о ней заботиться, хотя и была исключительно добра.

– Бедная малышка, она устала, – сказала Джесси. – Ну, мне пора идти. У меня клиентская премьера «Комедии», я обязана быть. Может, пусть Виктория просто переночует? – обратилась она к Эдварду, у которого тоже глаза налились слезами, ведь он чувствовал на себе груз такой ужасной и непростительной вины за все.

Виктория сидела с прямой спиной, вытянув по бокам руки и сжав кулаки, голову она подняла вверх и уставилась в потолок, из-под которого лился ясный свет правды, освещающий ее безнадежное отчаяние. Она плакала, крепко закрыв глаза.

– Бедный ребенок, – попытожила Джесси и ушла.

Эдвард, который еще не понял, что это не дитя шести-семи лет, подошел, поднял ее на руки, посадил к себе на колени и крепко сжал. От ее слез у него намокло плечо, из-за тепла и волнения, излучаемого маленьким напряженным тельцем, он чувствовал себя не намного лучше убийцы.

– Виктория, – спросил Эдвард в перерыве между ее всхлипами, – мне позвонить кому-нибудь, сказать, что ты у нас?

– Моя тетя в больнице.

– А где ты еще бывала? – Он пытался выяснить, есть ли у нее с ним или Томасом общие знакомые.

– У тетиной подружки.

Виктория наконец вынуждена была перестать плакать. Она назвала имя этой подружки: миссис Чедвик, да, у нее есть телефон.

Эдвард набрал несколько Чедвикам, пока не наткнулся на девчонку, которая сказала, что мамы нет дома. Это была Бесси. Да, она согласна, чтобы Виктория переночевала тут. У них сегодня все равно свободной кровати нет: к Бесси придут друзья смотреть мультики.

– Тогда хорошо, – ответил Эдвард, отказываясь от собственных планов на вечер. Для этого потребовалось сделать еще несколько звонков.

Виктория тем временем принялась ходить по огромной комнате, она еще не поняла, что это только кухня, она смотрела, но ничего не трогала руками и недоумевала, где же кровати?

Их не было.

– А где ты спишь? – поинтересовалась она у Эдварда.

– У себя в спальне.

– Это не твоя комната?

– Это кухня.

– А где все остальные?

Эдвард не понял вопроса. Он сел перед молчащим телефоном, положил голову на кулак и принялся наблюдать за ребенком.

Наконец он ответил, надеясь, что она спрашивала именно об этом:

– Мамина комната на самом верху, а моя – на следующем этаже, комната Томаса тоже.

Ужасная правда пыталась просочиться в уже чрезмерно переполненный мозг Виктории. Как будто бы он говорил, что их дом не ограничивается этой комнатой. Виктория спала на выдвижной кровати в тетиной гостиной. И она не понимала, просто не могла этого понять. Девочка снова села в большое обнимающееся кресло и сунула палец в рот, хотя и говорила себе постоянно: ты уже взрослая, прекрати.

Она хотела спросить, кто еще живет в этом доме, но не осмелилась. Где все остальные?

Эдвард не сводил с нее глаз, надеясь что-нибудь понять. Это измученное лицо... воспаленные глаза... повинаясь инстинктам, он подошел, взял девочку на руки, принялся укачивать.

– Я расскажу тебе сказку.

Это была «Златовласка», Виктория видела ее по телевизору. Но раньше ей и в голову не приходило, что сказку можно просто слушать, не видя картинку. Один только голос... Ей это нововведение понравилось, добрый голос мальчика звучал прямо над самым ухом, он на разные лады говорил от имени большого медведя, медведицы и медвежонка, Златовласки, и при этом он качал ее на руках, а она думала: «Я же не такой маленький ребенок, за которого он меня принимает». Он же прекрасно осознавал, что у него в руках: объект его защиты, выступлений на школьных дебатах, Эдвард недавно заявил, что посвятит этому всю свою жизнь – то есть страданиям этого мира.

Закончив сказку, он собрался спросить, не хочет ли она принять ванну, но испугался, что девочка не так его поймет.

– Ты наелась?

– Да, спасибо.

– Тогда я отведу тебя в кровать.

Спать ей будет пора еще не скоро: дома Виктория сидела допоздна, потому что не могла лечь раньше тети. Иногда, правда, она засыпала, пока та смотрела телевизор, а потом просыпалась все в той же одежде под одеялом на кушетке. Она держала высокого мальчика за руку, Эдвард быстро вел ее наверх, пролет за пролетом, и вот она оказалась в комнате, битком забитой игрушками. Это что, детский магазин?

– Это комната Томаса. Но он не будет возражать, если сегодня ты поспишь в его кровати.

О туалете еще ни слова не было сказано, и Виктории уже не терпелось. Она молча уставилась на Эдварда умоляющими глазами, он понял и сказал: «Идем, покажу тебе уборную».

Она не знала, что такое уборная, но вскоре оказалась еще в одной комнате, размером с ее собственную комнату в квартире матери, на безупречно белом стульчаке. А еще там была большая ванна. Ей захотелось туда: до этого Виктория мылась только в душе.

Эдвард ждал ее за дверью.

Ее снова отвели через лестничную площадку в комнату с игрушками.

– Я буду спать чуть выше, всего лишь на следующем этаже, – объяснил Эдвард.

Ужас. Ее бросают. И вверх и вниз этот огромный пустой дом.

– А пока пойду вниз, на кухню, – добавил он.

От страха у нее вытянулось лицо. Эдвард наконец понял в чем проблема.

– Слушай, ничего страшного тут нет. Ты в безопасности. Это наш дом. Сюда никто не может войти, кроме нас. Ты будешь в комнате Томаса, он сам там спит. Ну, то есть когда ночует дома, а не у друзей. У вас же, малышей, много друзей... – Он засомневался и смолк. С чего он решил, что и у этой малышки много друзей? Очередная чудовищная ошибка!

– Я здесь. В любой момент кричи, и я приду. Когда мама вернется, на нее тоже можно рассчитывать.

Виктория опустилась на кровать Томаса, хотя ей хотелось бы пойти с Эдвардом вниз, на кухню. Но проситься она не осмелилась. Она до сих пор не осознала, что во всем этом огромном доме живет одна семья. Ведь все легко могут разместиться в двух комнатах, иногда даже в одной.

– Лучше сними кофту и брюки, – сказал Эдвард.

Она поспешно разделась, оставшись в белых панталонах и нижней рубашке.

Он заметил, как красиво это смотрится на темной коже. Хотя он не знал, корректно ли так думать или нет.

– Вот свет, – Эдвард пару раз нажал на выключатель, и комната немедленно превратилась в жуткую пещеру, полную очертаний всяких животных и огромных медведей. – Еще один выключатель возле кровати. Я тебе покажу. И дверь закрывать не буду. Если что, услышу.

Он не знал, стоит ли поцеловать ее на ночь или не надо. Увидев девочку без одежды, придававшей фигуре объем, он понял, какая она маленькая и худенькая, а вовсе не пухлый ребенок.

– Виктория, сколько тебе лет?

– Девять, – ответила она и с чувством добавила: – Знаю, что я маленькая, но это не значит, что я малышка.

– Ясно. – Он понял, что снова ошибся. В очередной раз покраснев от смущения, Эдвард постоял в дверях, а потом сказал:

– Ну, я выключаю, – погасил свет и пошел вниз по лестнице.

Виктория лежала в полутьме под одеялом с Микки-Маусами. Оно ей понравилось, потому что в детстве у нее были тапочки с таким же мышонком. Но в этой комнате, в темноте... она снова всхлипнула, а потом зажала рот обеими руками. Столько животных, Виктория никогда не видела так много плюшевых игрушек, целые кучи в каждом углу, весь стол завален, на постели тоже лежало несколько мишек. Она потянула к себе большого медведя, словно хотела закрыться им, как щитом, от возвышающихся силуэтов львов, тигров, других таинственных животных и людей, глаза которых сверкали от света уличных фонарей. Она не могла здесь оставаться, не могла... может, стоит прокрасться вниз, в ту комнату, что они называют кухней, и попросить у Эдварда разрешения остаться там? Он был добрый, она это поняла. Она еще помнила, как его крепкие руки обнимали ее, девочка постаралась воскресить голос, каким он рассказывал сказку...

Викторию пугала еще одна мысль.

А если она обмочится в постели? Иногда с ней такое случалось. Вдруг она пойдет куда-нибудь во сне и упадет с лестницы. Тетя Мэрион говорила, что Виктория ходит во сне, и однажды ее, спящую, поймали на лестничной клетке возле лифта. Если она намочит эту постель, в этом доме, она умрет от стыда... на этой мысли она уснула, а когда проснулась, из окна, которого она и не заметила, падал свет. Девочка быстро ощупала простыни – нет, все сухо. Но ей снова хотелось в туалет. Она, крадучись, вышла из комнаты и в штанишках и рубашке побежала через лестничную площадку в туалет. Она чувствовала себя воришкой, ее испуганный взгляд метался по лестнице. Везде горел свет. Сколько времени? А если она опоздает в школу, а если... Она вернулась, надела брюки с кофтой, пошла вниз по лестнице и увидела Эдварда, он сидел за столом и ел тост. Той женщины с золотыми волосами видно не было. Мальчик мило улыбнулся, поджарил тост и для нее, предложил чаю, налил молока и насыпал сахара, как ей нравилось, а потом сказал, что отведет ее в школу.

По утрам ей давали с собой сэндвичи или что-нибудь еще, но просить Виктории не хотелось. Может, мистер Пэт... Она чувствовала, что губы опять вот-вот задрожат, но напряглась, улыбнулась и пошла с Эдвардом вниз по лестнице, оставив за спиной этот дом, полный, по ее мнению, огромных, похожих на магазины, комнат. Она трусила вслед за ним по мокрой листве, усыпавшей тротуар. Он подвел ее к большим воротам, которые накануне вечером перед ней так жестоко закрыли, и она бросилась бежать в класс. По пути Виктория заметила Томаса.

– Я ночевала в твоей комнате, – гордо объявила она, теперь снова став спокойной и большой, снова своего возраста, тогда как он был лишь маленьким ребенком.

– Почему?

– Твой брат меня заставил.

– Ну, я надеюсь, ты ничего из игрушек не сломала. Ты играла с Опасным Человеком?¹⁰ Виктория Опасного Человека не видела.

– Тогда ничего страшного, – сказал Томас и пошел в свой класс.

---

¹⁰ Персонаж английского сериала «Опасный человек», 1960–1962 гг.

Виктория задумалась о том, что этот малыш (он ведь был намного младше ее) провел ночь не у себя дома, но для него это было не так уж и важно. Сама же она воспринимала эту ночь как дверь, открывшую перед ней неизвестные места, новые перспективы, о существовании которых она даже не подозревала. Девочка думала: «Хочу собственную комнату. Хочу, чтобы у меня был свой *угол*». Она не осмеливалась мечтать о собственном доме, собственной квартире, это было за пределами ее воображения, но вот если бы у нее была собственная комната, она могла бы там спрятаться, была бы в безопасности. Дикие звери со сверкающими глазами в комнате Томаса излучали опасность, они могли прийти за Викторией, схватить ее. А если бы у нее была своя комната, она могла бы ложиться спать, когда захочется, и не ждать, когда тетя Мэрион устанет. У нее возле кровати был бы ночник, который она могла бы выключить. «*Мой угол, мой собственный...*» – вот что появилось в ее жизни после этой ночи, когда Виктория все равно что в страну чудес попала. Хотя не сказать, чтобы там ей было очень уж уютно или даже попросту приятно. Она повела себя как маленькая девочка, а не как большая, и ей стыдно было даже представить, что Эдвард о ней подумал. От нее не ускользнуло его удивление, когда она сказала, что ей уже девять лет.

Вечером, когда стемнело, Виктория снова стояла у ворот и ждала, что кто-нибудь заберет ее и отведет домой. Она надеялась, что и Эдвард придет за Томасом, и собиралась ему улыбнуться, как большая, а не как глупая плакса, она скажет: «Привет, Эдвард», а он ответит: «О, Виктория, это ты». Но вместо него пришла какая-то незнакомая женщина с парой детей постарше, и Томас с криком бросился к ним. А Виктории очень хотелось есть: в обед она сходила к мистеру Пэту, который мог бы дать ей большой пакет чипсов, приговаривая, что «заплатить можно и завтра», но его на месте не оказалось, за прилавком стояла какая-то незнакомая девушка. Если бы пришла тетина подруга Филлис, она, может быть, купила бы шоколадку или еще что-нибудь. Но вместо нее объявилась ее дочь Бесси, она была старше Виктории, и девочка сразу же начала извиняться за путаницу, которая возникла не по ее вине. Но Бесси ответила: «Какая жалость, бедная малышка, твоя тетушка тяжело больна, ты поживешь у нас, пока ее не выпишут».

Виктория, бежавшая за старшей девочкой, спросила:

– У тебя шоколадки нет или еще чего-нибудь, очень хочется?

– Тебе что, ничего на обед не дали?

– Они забыли, они не знали, – лепетала Виктория, извиняясь за благородного Эдварда.

Бесси свернула в забегаловку с рыбой и картошкой фри, купила им обеим по порции картошки, и они съели ее на ходу.

Миссис Стивенс, то есть тетушка Мэрион, вернулась из больницы инвалидом, раньше она была крупная, а теперь усохла. Ей часто приходилось снова ездить в больницу на дополнительное лечение, и после возвращения она была слаба и плохо себя чувствовала. Виктория ухаживала за ней. После школы она шла не к другим детям, чтобы поиграть, а домой, исполнять обязанности сиделки. Училась она прилежно, ее часто хвалили. По вечерам Виктория делала домашние задания или смотрела телевизор, познавая мир.

Однажды после обеда тете срочно потребовалось лекарство. На обратном пути Виктория свернула не в том месте и попала на улицу, которая показалась ей знакомой. Дом, где она провела ту ночь, когда за ней присматривал высокий добрый мальчик, сохранился в ее мечтах, но это было все равно что другое измерение, не имеющее ничего общего с обычной повседневной жизнью. Девочке запомнилось тепло и яркие цвета, комната, полная игрушек. Иногда Виктория останавливалась у витрин магазинов на Центральной улице и думала, что, да, именно так это и выглядело: богатство и изобилие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.